

18+

Марина
Сольмер

Французское
счастье
Вероники

Марина Хольмер

Французское счастье Вероники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72111247

ISBN 9785006736238

Аннотация

Это роман о выборе, о желаниях, которые имеют обыкновение исполняться, о течении дней, когда даже особенная новизна превращается в рутину. Главная героиня выбирает не между жизнью и смертью, а между жизнью и жизнью. Непростые отношения с матерью, неудачное замужество, любовь к Франции, счастливый случай, позволяющий изменить буксующую судьбу. История, основанная на реальных событиях, которая открывает закрытые окна иллюзий, реальности и самого себя. Первоначально вышла в издательстве «Водолей».

Содержание

Часть I	6
глава 1.	6
глава 2.	15
глава 3.	21
глава 4.	29
глава 5.	38
глава 6.	44
глава 7.	60
глава 8.	70
глава 9.	77
глава 10.	86
глава 11.	90
глава 12.	100
глава 13.	106
глава 14.	114
глава 15.	119
глава 16.	127
глава 17.	134
глава 18.	140
глава 19.	147
глава 20.	156
глава 21.	165
глава 22.	171

Французское счастье Вероники

Марина Хольмер

Редактор Евгений (издательство Водолей) Кольчужкин

Дизайнер обложки М. и Л. Орлушины

© Марина Хольмер, 2025

© М. и Л. Орлушины, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-3623-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Ника, Верка, Véronique

*«...le plus cher passé semble un décor déteint,
Où s'agite un minable et vague cabotin.
Il est de mornes jours las du poids de connaître...»*

*«Самое дорогое прошлое кажется блеклой
декорацией,
Где суетится потрепанный, размытый клоун.
Бывают тоскливые дни, утомленные грузом
знаний...»*
Альбер Самен

глава 1.

Закрой окно, Вероника!

«Окно! Закрой окна! Закрой! Верка! Вера, закрой окно!»

Вероника бросает бутерброд и резко ставит чашку на стол. Горячий чай выплескивается на руку. На животе растекается пятно. «Черт! Черт! Черт!» – Вероника трясет футболку, отодвигая мокрый жар от тела. Так и несется в комнату, приподнимая на бегу неприятно липнущую ткань. Мать кричит, стучит чем-то по табурету и по всему, куда может дотянуться.

– Мама, что снова случилось? Какие окна? Они закрыты! – уговаривает ее дочь, отодвигая табурет. Мать пытается его с ненавистью толкнуть, но не дотягивается. Она рывками приподнимается, а потом в изнеможении падает на постель.

– Вера! Была гроза! – Мать тяжело дышит. – Окна распахнулись! Ты что, сама не видишь? Все залило! Иди туда, закрой! Не стой тут, зачем стоять-то? И не хватай меня! Я знаю, что говорю!

Вероника оставляет ее, понимая, что история с распахнутыми окнами, которых мать почему-то боится, сама по себе не закончится. Она подходит к окну. Раздраженным рывком раздвигает шторы. Считает мысленно до пяти, глубоко вдыхая и с силой выталкивая из себя спертый воздух комнаты.

– Мама, вот, смотри. Видишь? Окна закрыты. И нет никакой грозы. Все тихо. Тебе приснилось, наверное, что-то плохое – вот и гроза и...

– Закрой! – упрямо и с нескрываемой злостью требует мать. Она приподнимается на локте и смотрит на дочь желтыми глазами. – И давай, иди, возьми тряпку и вытри пол. Вон, я вижу, залило весь паркет. И не спорь со мной, Вера! Как была ленивой, так и осталась. Грязью зарастешь... Вот когда я была в твоём возрасте, я всегда матери помогала... И у нас был порядок, чисто, все зашито-заштопано... Сейчас не так... И окна-то нормально закрыть не можешь – всегда раскрываются, как дождь... Вот как раз только что и была такая гроза. А мать не видит, не слышит... Прямо дуру

из меня делает...

Мать переходит на ворчливое бормотание с редкими вкраплениями-окриками: «Верка, бу-бу-бу-бу... Верка, окна! Бу-бу-бу-бу-бу... Окна». Но и они теряют силу. Мать сползает вниз, на подушку, которая мягко принимает ее горячую голову на свои белые берега. Вероника стоит у окна, спиной к комнате, вглядываясь в темноту. Пусть она ленивая, пусть... Она не будет спорить... Она знает: нужно чуть-чуть еще подождать – и мать успокоится, повернется на бок, к стене, и заснет. Каждый раз повторяется одно и то же. Дались ей эти окна!

* * *

Мать может оставаться одна, но не хочет. Вероника уверена, что все не так плохо, а эта навязчивая идея про распахнувшиеся от грозы окна и залитый пол – всего лишь игра, игра для привлечения внимания. Она не верит, что мать стала такой на самом деле: с упадком сил, несдерживаемыми приступами ярости, галлюцинациями, мешаниной из дат, людей и дней недели. Почему такое происходит именно тогда, когда остается с матерью она, Вероника? Это перед ней разыгрывается спектакль. Это для нее сгущаются краски. Это ее мать заставляет чувствовать себя ничтожной и виноватой, чтобы потом требовать выполнения любого старческого каприза. Это ей должно стать стыдно, когда она куда-то отлучается, даже если совершенно не нужна для сопровождения

матери по дневной круговерти. Вероника старается не отвечать. Она замыкается в себе. Душа погружается на темную глубину. И оттуда она смотрит, как ее жизнь улетает наверх, далеко, куда-то туда, к голубому лоскуту недостижимой свободы.

Тетушка, неблизкая родственница, одинокая и добросердечная, не жалуется ни на окна, ни на приснившуюся матери грозу, ни на старческие капризы. Она призвана сюда племянницей и Божьим промыслом, как она сама всем тихо говорит, и смиренно качает седой головой. Вероника допытывается, задает разные наводящие вопросы, заходит то справа, то слева. Ведь на прямые и конкретные пожилая женщина бесценно дает одни и те же, самые благодушные ответы. «А ничего особенного не происходит. Все спокойно, мы разгадывали кроссворд», – говорит она. Или так: «Мы читали и смотрели программу по телевизору, очень интересную. Эту, ну, ну которую еще и на прошлой неделе... Не помню, какую»...

Да, что они вместе читают и что смотрят, не помнят ни тетка, ни мать, которая получает истинное удовольствие от управления родственницей, как послушной старой лошастью.

Тетушка со всем соглашается. Она терпит или обладает таким истинным, из истоков, христианским пониманием ближнего, что не позволяет себе жаловаться на страдания. Оставаясь у них ночевать на узкой продавленной рас-

кладушке, придвинутой почти вплотную к материной кровати, чутко вскидывается ночью на любой призыв или стон. Мать удовлетворенно засыпает, получив чаю – обязательно из любимой чашки с размашистыми розами. В любой другой – не в розах на фарфоровых стенках – мать отказывается принимать чай из добрых рук. Может и опрокинуть, а потом насмешливо, как кажется Веронике, показно-смиренно просит прощения.

Или мать вообще ничего ни от кого не хочет, а только, вскрикнув или глубоко вздохнув, поворачивается на другой бок. Тетка же немедленно вскакивает и бросается к ней – хорошо, что недалеко. Садится на край кровати, не зажигая света. Нащупывает в скользящих по комнате ночных наэлектризованных отсветах руку матери или сползшее одеяло. Вероника слышит, как она настоятельно рекомендует матери повернуться именно на правый бок. Представляет, как тетушка поглаживает ее плечо, подтыкает одеяло и с готовностью ждет хоть какой-нибудь просьбы. Мать, со сна не разобравшись и вовсе не желая просыпаться ни на чай, ни ради правого, правильного бока, посылает добрую тетушку заняться своими делами, если не спится.

Вероника после такой несправедливости успокаивает расстроенную женщину, отпаивает на кухне чаем с мармеладом и всячески рекомендует не поддаваться на материны провокации. Тетка мелко кивает, пьет горячую, чуть подкрашенную дважды использованным чайным пакетиком воду. Под-

пирает щеку дрожащей от обиды рукой. Через день или ночь все повторяется снова.

Изредка она собирает свои непонятно чем всегда наполненные сумки. Говорит сама с собой, полуразборчиво, но всегда умиротворяюще, и суетится больше обычного. Поглядывая искоса на мать, тетушка дожидается, пока та заснет или просто отвернется ото всех, всем своим видом, взглядами и вздохами показывая усталость от постоянного, до приторности навязчивого ухода. И только потом потихоньку, стараясь не наступить на скрипящие у кровати паркетины, тетка начинает двигаться, почти отползая к двери и дальше, дальше, в прихожую, чтобы, проскользнув темной бесформенной массой по лестничным пролетам, раствориться через пару минут в синеве улицы.

Мать, если не спит, в первые минуты с облегчением вздыхает. Потом щелкает пультом в поиске душещипательных сериалов, которые тетушка обычно осуждает и норовит подменить на концерты классической музыки. Но уже через полчаса мать начинает звать Веронику, придумывая разные нужные и ненужные просьбы. Выжидающе стянув рот в одну жесткую линию – молнии не хватает – мать смотрит в одну точку на ковре. Что бы дочь ни делала, все не так, не вовремя, несовершенно, через силу, сама-то никогда не поймет, что нужно. Приходится просить любую мелочь, напоминать о самом простом... Мать не хочет ни в чем уступать, тем более что верная Полина ее на время, но бросила. Она убеж-

дена в своем праве, требуя внимания и заботы. Пусть старается, на то она и дочь.

Вероника возвращается как-то домой чуть раньше временного стыка между уходом родственницы и своим привычным часом. Она тихо входит и, замерев с ключами в руке, слышит, как на кухне громко закипает чайник. Через несколько секунд сдвигается со скрипом стул. Голос матери отчетливо и властно произносит: «Понаставили тут всякого, пройти негде. Хочу чаю. И к чаю чего-нибудь... Верка, как всегда, ничего не купила вкусенького! Ан нет, вон пряники наверху! Дай-ка, дай-ка мне сил, достану или нет?» После этих слов что-то падает, звенит, а потом – наверняка кулек с пряниками, не иначе – бухается нечто мягко-тяжелое и шуршащее.

Вероника сливается с темнотой прихожей, затаив дыхание от любопытства и приоткрытия истин, а потом громко хлопает входной дверью: «Мам, это я! Пораньше освободилась! Как тут у вас дела?» Она почти расплывается на полу и подглядывает снизу за тем, что происходит на кухне. Многого она видеть не может. Зато совершенно отчетливо ощущает, как взметнулись над кухонным столом зеленоватый испуг и паника матери, застигнутой врасплох. Блаженный момент!

Когда Вероника, подождав чуть-чуть, выходит на свет, мать уже сидит, грузно осев, в углу, в изнеможении опустив руки.

– Вот, – тихо, с придыханием произносит она, – а я тут одна... Полина ушла, чаю мне не сделала... Самой пришлось... Еле дошла... Посижу уж тут немного, если дошла. Хоть чаю попью, как человек, за столом. А ты иди, руки мой, раздвайся там... Поужинаем...

– Все в порядке, мам? – Вероника делает обеспокоенное лицо, несмотря на то, что не верит матери ни капельки.

– Ох, – она тяжело выдыхает, – да сама толком не пойму. Какое уж тут в порядке? Вроде бы мне поначалу было ничего, и даже голова не кружилась, а как дошла сюда, так все силы и ухнули куда-то.

Вероника наливает ей чаю. Ей кажется, что чашка хрипло скрипит, принимая горячую ношу, а розы еще больше краснеют.

– Посиди со мной, доченька, – нежным голосом просит мать, оглядывая критическим взглядом ее джинсы, рубашку и лицо почти без косметики. – Куда ходила-то? Работу искала? И как? С кем-то приличным встречалась? Что ж ты мне ничего не рассказываешь, не говоришь со мной, как будто мы не родные... Все с подружками, небось, обсуждаешь, а со мной ни слова...

Вероника вздыхает. Только начни что-то рассказывать, только поддайся на эту располагающую к откровенностям задушевность, только поверь в то, что ее жизнь, которую мать приговорила к гильотине после развода, может еще трепыхаться и даже заново учиться летать, – пропадешь. Сколько

раз ей хотелось поделиться с матерью, как раньше, в юности, разными радостями и сомнениями, сколько раз хотелось почувствовать почти забытую нежность, интерес... И делилась. И рассказывала. И ставила матери ее любимые французские песни Джо Дассена или Мирей Матье. И слушала в который раз про то, как по Москве разгуливали модели Christian Dior, чему мать в далеком 1959 году стала счастливой свидетельницей.

Через пару часов или через пару дней все, что она, размлев от вечернего чая, дарила, как нежнейший кусочек бисквита, летит ей в голову. Ее откровения возвращаются бумерангом. Правда, за время полета семейный бумеранг успевает сменить цвет и отточить края. Когда он, с неизбежностью приближаясь, обрушивается на нее с хорошо отмеренной силой и точностью, становится больно до рези в глазах. Слова застревают в горле. Их можно только выплюнуть, выхаркать потом со слезами и размазанной тушью.

Вероника зарекается: ни за что больше матери ничего не рассказывать. И каждый раз ее тянет на огонек вечерней полузабытой близости, как ночную бабочку на обманчиво теплый, но губительный свет лампы. То, что не так давно пряталось от чужого взгляда, вспорото, задето острым краем жестокой правды и теперь пачкает липкой мезью. Раны кровоточат и долго не заживают. Мать знает, куда бить и когда.

глава 2.

Улица над железной дорогой

Вероника сбегает по лестнице, как в детстве, подскакивая на ступеньках и отбивая ритм по черным перилам. Толкает тяжелую подъездную дверь и выскакивает на свет. Смотрит вокруг с жадностью – весна, солнце, сумасшедшие птицы. Свобода одним словом!

Дорога идет по задворкам длинных девятиэтажек с магазинами, выходящими прозрачными лицами-витринами на проезжую часть, а разгрузкой и пустой тарой внутрь, во дворы. Там, дальше, непарадные выщербленные тротуары ручейками втекают на настоящую улицу.

Особенной системы в кое-как разбросанных многоквартирных муравейниках здесь нет. Когда-то застройка района бывшей заставы с деревянными домами и малоэтажными, уже ненужными и невыгодными в новой жизни, облупленными полусобняками велась спонтанно: может, после очередного пожара, а то и заодно с наведением городского порядка в недалекой Марьиной Роще. Типовые пятиэтажки сменяются некрасивыми башнями из двенадцати низких потолков с вываливающимися зачастую наружу, как рвота, мусорными отсеками.

Дворы в неумелой попытке советских архитекторов создать зеленый уют размазывают урбанистический пейзаж.

Здесь, между вокзалами и центром, они лежат слабыми претензиями на скверики, топорщатся необжитыми скамейками. Оставшиеся от прошлого стояки с перекладинами напоминают то ли о дворовом волейболе, то ли о снятых качелях, то ли об еще не исчезнувшей привычке хозяек развешивать на них зимой ковры для чистки снегом. Дети тут почти не играют. Видимо, животное чутье, еще не до конца потерянное при освоении цивилизации, гонит их в более обжитые дворы, закругленные с разных сторон деревьями. Только там они могут чувствовать себя защищенными от внешнего, пока не понятого мира.

Вероника выходит из дома, щурится на солнце, вдыхает полной грудью весенний воздух. Проводит рукой по коротким темным волосам и взъерошивает их на затылке. День выдался прекрасный. В свой выходной ей удастся сбежать, оставив мать на попечение тетушки, которая, конечно же, не преминула ей попенять на праздность намерений. Именно такие старомодные слова из лексикона обитательниц женского монастыря Вероника мысленно произносит за тетку Полину. Не старая дева, но вот ведь стала какой правильно-скучной, иногда даже занудной... По ее убеждению, Вероника должна любую свободную минуту посвящать дому, матери и заботам. Работа – забота – работа – забота... Вероника улыбается. Почувствовав себя хотя бы на время легкой, независимой, она подставляет лицо свежему весеннему ветру.

– Пусть идет, – оборвала мать и в этот раз ворчание родственницы, – может, найдет кого! От нее и так мужики бегут, как... как от одной моей бывшей подруги! Та, хоть и одевалась в лучших московских комиссионках, но разве довольную рожу платьем прикроешь? А мужика-то на мякине не проведешь! Ему радости хочется... И ведь она тоже правду не хотела слушать... Так пусть Вера уж лучше по улицам шляется, чем тут с кислой физиономией сидеть. И делать ничего не делает, и любви от нее никакой...

Слова были обидными. Вероника вскинулась, покраснела, хотела ответить, но увидела глаза тетушки, умоляющие и призывающие к смирению, и промолчала. Сглотнула, как подавилась невысказанной резкостью. Тетка Полина прошаркала на кухню. Мать выжидающе склонила голову. «Ну что скажешь? Не права я? Права! Вот то-то и оно!» – читалось на ее лице. Потом она криво усмехнулась, довольная тем, что удалось задеть дочь, и включила телевизор.

Вероника выскочила в коридор. Чуть не столкнулась с теткой. Та несла матери очередную чашку то ли успокоительного чая, то ли полезного компота. Когда-то громкая, собиравшая большие компании гостиная лежала нейтральной полосой между материным жизненным средоточием и Вероникиной комнатой. В окне виднелась солнечная улица. Стекло было мутным, не мытым с осени, а маленький балкон выглядел запущенно-унылым. Взгляд переступил через ненужное. Нестерпимо захотелось туда, за пределы душевной квартиры,

в зовущий красками и звуками мир большого города, где так легко раствориться и плыть, плыть по течению.

– Никочка, ты просто обязана поехать посмотреть первую станцию метро за МКАДом! Я накануне специально ездила! Оказывается, она уже больше года как открылась! А я пропустила такое событие... Называется «Бульвар Дмитрия Донского», напоминает «Комсомольскую», наш величественный дворец! Попроще, конечно, немного, но тоже очень-очень красивая! Моя мамочка, когда была жива, всегда следила за открытием новых станций и направляла меня туда... Вот, не дожидаясь мамы... Как бы я хотела ей рассказать, что и сегодня, в начале двадцать первого века, наше метро, лучшее в мире, строится и ширится! И уже вышло за пределы Москвы!

Тетушкин голос становился все тише. Вероника уже сбегала по лестнице, дежурно обещая обязательно все бросить и поехать за МКАД. «Взрывы в лучшем в мире метро в 2004 году она не помнит, а вот новая станция – это да!» – Вероника всегда завидовала избирательности теткиной памяти.

* * *

Вероника пыталась научить мать пользоваться микроволновкой, чтобы в ее отсутствие разогревать приготовленную и разложенную порциями еду. Печка была дорогой, денег было жалко, но Вероника решила идти в ногу со временем.

Ее встретило стойкое сопротивление.

– Ни за что! – заявила мать. – Я смотрела передачу о том, что эти волны облучают не только еду! Потом облучается и все внутри, и главное – страдает мозг того, кто пользуется этой новомодной жутью.

Дочь, конечно, промолчала. Последнее время она старалась замыкать внутри себя, как электрическую сеть, все, что несло от матери на парусах обид, старости и разочарования. Ей очень хотелось отбить высказанную сентенцию, сказать, что мозгам матери уже по всякому хуже не будет и, уж точно, никакая микроволновка с облучениями им не страшна. Не стала. Сдержалась. Вот так ответишь, кинешь что-нибудь резкое, а потом будешь пару дней зализывать свою несдержанность, а то и жалеть. Жалеть уже притихшую мать и немного себя.

Попробовала приучить к современной технике тетушку. Не тут-то было: набожная тетка в свою очередь, как услышала, замахала руками и запричитала что-то про нечистый дух в доме и про то, что батюшка не велит всякими такими грешными приспособлениями отравлять себе жизнь.

– Мы уж как-нибудь сами справимся, – сказала она, подсаживаясь на кровать к матери, которая в изнеможении от спора с непутевой дочерью откинулась на подушки и пыталась нащупать спасительный пульт от телевизора. – Мы уж точно справимся, правда? И подогреем все на сковородочке! И без волн этих обойдемся, и электричество зря жечь не станем...

Вероника вспомнила, что и электрический чайник тоже остается в стороне, накрытый вышитой салфеточкой. Ее снимают только вечером, перед возвращением Вероники домой – чтобы не было лишних вопросов и технического насилия со стороны племянницы. Она как-то подглядела. Теперь стараются не забыть. «Да уж, – подумала Вероника, – одинокой тетушке микроволновка точно не нужна. И тут дело не только в электричестве – просто одним конкурентом меньше».

глава 3.

Параллельная жизнь

Тетка Полина бросилась ухаживать за своей двоюродной сестрой с самоотверженностью и полной самоотдачей. Отлучить ее от исполнения родственного долга хотя бы на время выглядело делом немислимым, неблагодарным, невежливым, да просто нельзя.

Когда-то у тетки был муж. На тридцать пятом году их совместной, хотя и странно параллельной, жизни у него обнаружилась вторая семья. То есть как раз тетушка и обнаружила, а до этого все текло обычно, слабо-привязанно, объединяя двух молчаливых людей малогабаритным жилым пространством где-то за Речным вокзалом. Тетка, несомненно, была когда-то молодой, потом становилась солидной, а со временем и понемногу старилась. Бездетная, она всю себя отдавала то одним родственникам, то другим, а больше всего – своей матери, с которой каждый день после работы ездила гулять и обсуждать советские новости.

Веронике тоже перепало немного заботы: в детстве ее обязательно каждый раз брали на Первомайскую демонстрацию. Племянницу приобщали к жизни страны и идеям коммунизма, в которые тетушка безоглядно и истово верила, как нынче в бога.

Муж был себе и был. Фотографии за стеклом в громозд-

кой, купленной еще по талонам или профсоюзной очереди, стенке из темного дерева напоминали о юности, о поездках в Кисловодск, о молодости, о любви. К тому времени, которое уже пришлось на память Вероники, общими оставались только эти фотографии. Муж не роптал, как будто так и надо, как будто другой формы жизни не существует. И он, как ракотшельник, занимал отведенную ему раковину в углу семейного, поделенного на двоих, жилья. С пониманием и бескорыстным терпением он соглашался со всей важностью добросердечных обязательств жены.

Правда, настал один прекрасный день, когда он понял, что, оказывается, длится такой период уже давно. Муж вдруг осознал затянувшееся, ставшее собственной кожей одиночество. Так бы оно и тлело почти погасшими угольками, как в половине не только спонтанных, но и даже уверенных в своей правильности браков, если бы не случай. До этого случая у него всегда было место, куда уйти. Оттуда он и смотрел на мир, который молчал вместе с ним или шелестел опадающей листвой, как его неспешные и привычные к смене похожих лет мысли, или стоял, замерзший под снегом, как его душа.

Он любил лес, раскинувшийся вдоль реки, еще не оцивилизованный к тому времени коробками разноцветных новостроек. Он находил разные коряги, обрубленные ветки с рогатыми сучьями, маленькие выкорчеванные пеньки у грубо посаженной скамейки. Он видел в этих деревяшках

что-то особенное, запрятанное, живое. Оно потом реализовывалось в его умелых руках то в вешалку, то в высокий, разветвленный, как дерево, насест для горшков с цветами, то в подставку для ручек-карандашей. Вероника долго берегла одну такую – винно-красную, покрытую лаком, наполненную одновременно первобытностью природы и теплом человеческих рук. Теткин муж долго и безропотно занимал отведенное ему место, пока, как спрятанную красоту в пенке, не нашел что-то, точнее кого-то, и для себя, когда его жизнь к тому времени наполняли лишь семейное одиночество и лес с корягами.

Супруга скандалов устраивать не умела и не хотела. Да и муж выглядел растерянным, виноватым, хотя было понятно, что сдаваться он не собирается. Он прошел, уже преодолел в мыслях эту границу между прошлым и будущим, которая разделяла двух женщин, как лесная просека. Оставались лишь формальности. Собрав вещи, жена, уже и без формальностей бывшая, уехала в доставшуюся в наследство от матери квартиру – полную копию той, которую оставила там, за Речным вокзалом, с деревянными вешалками. В тот район, с рекой и лесом, она больше никогда не ездила.

Тетушка, женщина еще не старая, энергичная и подрабатывающая, где только можно, менять ничего в доставшемся ей жилье не стала. Она любила память, боготворила свою мать, отмечала чаем с сушками дни рождения всех умерших родственников. С еще большим вдохновением она бро-

силась в жизнь всех, кому оказалась нужна ее помощь. Позже она признавалась Веронике, что только уход за теми, кому было хуже, чем ей в тот момент, помог примириться с переломом в жизни, с предательством мужа, которому десятилетиями варила каши. Она не уставала рассказывать, как прятала кастрюльки в специальный ватный рукав, чтобы не остыли. Оказалось, что тяжелее всего ей было отказаться от охраняющей при любых катаклизмах нежности, с которой думала о муже в метро, по дороге от одной конечной станции до диаметрально противоположной.

Тогда же пришло к ней и просветление с помощью двух соседок – они нанесли ей иконки, тоненькие брошюрки с молитвами и бумажные цветы. Постепенно с их помощью все встало на свои места. Женщина больше не спрашивала дрожащим голосом «за что» и «почему», а восхитилась простотой полученных ответов. Они лежали на поверхности. Стоило коснуться любого из казавшихся ранее несправедливыми жизненных узелков, как они распутывались, просто сами расходились под ее руками. Главным, в чем ей помогли соседки со своими иконками, стало смирение перед судьбой, которая по чьему-то замыслу может то ласкать, то наказывать.

Так тетушка вошла и в их с матерью жизнь не наездами и гостями, а плотным каждодневным участием. От кого из близких она узнала, что им нужна ее помощь, было непонятно. Впрочем, мать не теряла связи с родными, которых

презирала, но не вычеркивала. Они перезванивались, встречались на торжествах-похоронах, куда приглашали всех родственников, точнее всех, кого удавалось обнаружить в городе и на этом свете.

Мать дурила. Она, по-видимому, так горько плакалась на свою судьбу после развода дочери, так жаловалась на безрадостное житье, непонимание и в целом донельзя слабое здоровье, что тетушка поняла: ее здесь ждут. И бросилась помогать, спасать, убеждать «съесть еще кусочек» или выпить необходимый для пищеварения-успокоения-сердца-горла-сосудов-суставов отвар...

Близки они не были. Мать посмеивалась всегда над суматошной Полиной, устремленной мыслями в коммунистическое будущее. Называла малахольностью ее желание всех облагодельствовать. Полина никогда не обижалась. Теперь это оказалось кстати. Мать ожила. Вероника тоже. Несмотря на наличие в доме постоянного постороннего присутствия, она вздохнула почти полной грудью, насколько позволяли постразводные обстоятельства и нескончаемые колкости матери.

Так жизнь зашла на новый разворот вместе с новым веком, взбежала по рассветным улицам на московские холмы и понеслась теперь, резво подбрасывая ноги, как молодая кобылка. Тетка уходила, приходила, готовила, кормила, оставалась ночевать, чтобы утром охватить своей заботой даже сонную Веронику. Мать помыкала Полиной и, закатывая по-

рой глаза от постоянных споров и излишней суеты вокруг ее дивана, была счастлива вручить ей все заботы о самой себе.

Вероника не то чтобы обрела свободу, но получила наконец некоторую дозу кислорода. И его живительная струя потекла по кровотоку ее души. Не болезни, не катаклизмы – ударом для матери стал ее развод. Женщина не могла простить Веронике собственных несбывшихся ожиданий, обрыва ее недолгого, но столь долгожданного покоя с мужчиной в доме. Пусть этот мужчина и был чужим, дочерним, пусть не совсем таким, как виделось матери в мечтах. Но она с первого момента восприняла его как свою собственность, как гавань, как семейную идиллию и гордость. Правда, дочь подкачала. Не сберегла, вертихвостка, такого положительного парня и накатанную жизнь под мужским плечом. Так вместе с разводом дочери рухнул весь мир матери.

Вероника удивилась. Она сгребла в сторону руины несостоявшегося счастья, постаралась переступить через них и пошла бы себе дальше, если бы не мать. Нет, ни инфарктов, ни инсультов не случилось, но мать слегла и впала в депрессивное состояние с всплесками истерической и полубезумной агрессии. Врачи не находили ничего критического. «Все более-менее, в соответствии с возрастом, – говорили они, – может, попить успокоительное, витамины. Вот вам рецептик для лучшей работы сердечной мышцы. А давление – уж извините – сами понимаете, уже никуда не деться, да и сосуды тоже... Хорошо бы лечь в стационар, пообследоваться, под-

лечиться».

От больниц и разных клиник мать наотрез отказалась. «Сами справимся», – она посмотрела на дочь. Дочь стояла у двери, подпирая косяк, и ждала окончания очередного визита. Ей казалось, что мать подпитывается чужой энергией, вниманием к себе и своему здоровью, которое вроде бы и ничего, но кто там его знает наверняка... Совершенно очевидно, что мать пыталась построить шалашное подобие жизни на том пустынном берегу, откуда дочь не только прогнала мужа, но и сама того и гляди, сбежит. И этого допустить было уже никак нельзя.

Вероника задыхалась, разрываясь между домом и поиском стабильного дохода. Дочь отработывала свой развод. Тетушка появилась как нельзя кстати. Она приехала и связала женщин, предъявляющих друг другу счета, той нитью глуповатых вопросов, непонимания, наивности и желания помочь, на которые было сложно не ответить. И это объединение разобиженных обитателей, разбросанных по разным углам вытянутой квартиры, откликнулось со временем размягчением стоящей колом, накрахмаленной до белесой еле сдерживаемой ярости, домашней атмосферы. Потом подтянулись общие чаепития, худо-бедные разговоры о новостях, погоде, общих знакомых, планах по ремонту кухни с подтеками на потолке...

Дав себе разрешение отойти в сторону, получив немного времени в личное пользование, Веронике удалось найти ра-

боту. Как-то вдруг все сложилось.

глава 4.

Рискованность предприятия

Параллельно шумной и насыщенной выхлопами, светофорами и звуками улице проходит железная дорога. Да, сначала идет линия домов, понатыканных вразнобой и вразноряд, потом – улица, которая носит окраинную и тревожную кличку Вал. Видимо, тогда еще требовалось защищаться от чужих, возводя полуразорванное очередное кольцо вдоль тогдашних границ Москвы. Дальше, понизу, не видимое даже с противоположного тротуара, лежит утопленное узкое железнодорожное полотно, где периодически подрагивает на стыках рельсов негромкая параллельная жизнь.

Прямо рядом со светофором, на перекрестке, можно спуститься по скрипящей деревянной лестнице. Потом, поглядев налево-направо, с замирающим от рискованности предприятия сердцем, перебежать по дощатому настилу рельсы и шпалы, как на каком-нибудь далеком переезде. Поезда нечасто проходят по этому странному внутреннему соединению вокзалов.

Когда-то у Вероники на той стороне от железной дороги, среди уже – и не вспомнить, которой по счету, – улиц Ямского поля было дело. И дело оказалось запоминающимся – не то чтобы любовь, но первый сексуальный опыт. Ей уже просто хотелось к моменту окончания института стать, как

все. Подвернулись и парень, и случай. Правда, романтический прорыв с дорогой через железку от дома к дому закончился быстро, как раздавленный поездом.

Сексуальность взрывалась под руками, требуя немедленного воплощения в жизнь. Гормоны становились видны невооруженным глазом. Нетерпение покалывало потеющие ладони. Вероника мечтала побыстрее отбить от своей жизни ненужные куски советского женского воспитания. Ей виделась свобода, при которой она станет крутить хулахуп отношений, впуская лучших и снисходя к неудачникам. Их тоже можно было бы немного покрутить, так, из спортивного интереса.

Ключом к легкости и радости жизни должен был стать разрыв к чертям тонкой биологической материи. Сколько можно обнимать, обхватывать саму себя по ночам, а потом засыпать на узкой кровати, представляя иные, жарко мужские объятия? А сколько неплохих возможностей было упущено в студенческие годы из-за ступора неуверенности, нависшего черным крылом «нельзя» и стыдного «что скажет мама»?

Все вокруг тогда, в то лето, дрожало и вибрировало под многовольтным напряжением влюбленности. На перекрестках обнимались выпадающие из временного кондоминиума сверстники. По ночам взывали сиреной коты. Молодые пары с умилением смотрели на басом орущего в коляске новорожденного, как на чудное чудо. Даже голуби переставали

ли на время драться из-за крошек и целовались... «Я рассердился больше всего на то, что целовались не мы, а голуби...» [1] Да, именно так и было.

Сдавливало колючей завистью и вонзалось в сердце очередное обручальное кольцо, на этот раз – у последней незамужней однокурсницы. Первые, самые некрасивые, уже давно там побывали, а некоторые даже вернулись обратно – кто с ребенком, кто без. Бежали быстрее всех, чтобы не упустить, чтобы, как курицы в порыве выполнения своей генетической программы, успеть снести яйца... Это слова Веры. Как они с Верой потешались над ними! И как Веронике тайком тоже хотелось крутить небрежно на безымянном пальце тоненькое колечко принадлежности к взрослому и таинственному миру... Вере, правда, она не говорила об этом. Она никому не говорила и смеялась, изображая этих куриц.

«Вы злые, девочки, – поддевала их мать Вероники, обожающая сидеть с ними на кухне. – А ты сама, Никочка, лучше бы подумала о том, чтобы вовремя выбрать... Хватит уже прыгать по разным компаниям, сосредоточься... Вон Маргарита Петровна хотела познакомиться с племянником. Он аж из Америки готов был приехать – на тебя глянуть. Почему не согласилась? Не надо сводничества? Сама, сама... То один женатый козел, то другой не пойми кто... Вера, а ты что молчишь? Хоть бы ты ей сказала! Пора быть серьезнее! Вертихвостки»!

Мать называла ее тогда Никой. Это сейчас она Верка.

Мать специально так...

Да-да, они с Верой смеялись над однокурсницами с чувством превосходства, с высокомерием свободы от всяких матримониальных условностей. Правда, всеми достоинствами, позволяющими себе подшучивать над простыми и наивными дурнушками, обладала только Вера. Она небрежно бросала миру свою красоту, как сумку с книгами увязавшемуся однокласснику. И мир восхищенно подхватывал ее, появляясь в виде то красавца-кавказца с «Арагви» и ящиком мандаринов, то скромного юноши из МГИМО с каким-то чумовым шарфиком из самого Парижа...

Вероника, у которой и имя-то было с довеском, а не звучное и пропорциональное, подтягивалась за Верой. Ей было немного не по себе – она понимала, что примерила не свое платье. И чуть завидно. А может быть, и не чуть. И те яркие чувства, которыми Вероника приросла к подруге, она не испытывала никогда и ни с кем. С уходом Веры из ее жизни все внутри смазалось и усохло. Платье, ставшее почти собственной кожей, соскользнуло с плечиков и, как чудеса у Золушки в полночь, превратилось в золу.

Но тогда Вероника пропускала ворчание матери мимо ушей и уносилась с друзьями то в очередной поход по Кавказу, то спонтанно в Питер на ночном поезде. Просто время еще не пришло.

И вот теперь, в исполнении намеченной инициации, Вероника переходила по деревянному настилу и возвращалась

тем же путем. Светофор подмигивал. Троллейбусы замирали перед переходом, большие, прирученные, добродушные. А один раз она просто осталась с другой стороны, чтобы изменить течение жизни и исправить ее запоздало недовинченные винтики.

Порыв желания был ожидаем, отозвался в ней чувственным прикрытием глаз с абсолютно трезвой мыслью: диван скрипучий и не вполне чист. Таким он и был, но хозяина это не беспокоило. Его руки расстегивали, забирались под, снимали, сбрасывали, ласкали. Вероника приоткрыла глаза и пожалела об этом: то, что она увидела, оказалось неожиданным. Форма – ладно, не девочка поди, но размер! Но жуткий фиолетовый цвет! Ей совершенно не хотелось иметь к этому отношения. Правда, отступить было поздно. Тогда она побыстрее снова закрыла глаза и постаралась стать тем, чем принято. Что уж тут, сама вызвалась совершить то, чего от женщин ждут миллионы лет. Они, наверное, несут это в себе на уровне ДНК с пещерных времен.

Партнер ошалел от чувств, прилива крови и того, что произошло. Он был поражен внезапной ненакатанностью процесса. Избранный для совершения прорыва отнес Веронику в ванную и подвывал за дверью. Вероника пребывала в неглубоком трансе, но под холодной водой быстро пришла в себя и привычным движением просто смыла кровавые подтеки. В полутемном коридоре были свалены то ли покрывала, то ли старые пальто, то ли и то, и другое. Она перешагну-

ла через тряпье поступью королевы. Не заметив тянущихся к ней рук, не глядя в смущенные, молящие о прощении глаза, Вероника прислушивалась к себе. Потом сказала: «Пойду я, наверное, мне пора».

Он был готов ее нести до дома на руках, по тому самому деревянному настилу под отдаленный свист поезда или накапывающие сверху звуки улицы. Шум привычной городской жизни стал иным. Вероника, сдерживая восторженное бие-ние сердца, дерзко смотрела на мир вокруг и точно знала, что теперь все изменится. Еще она знала, что ничего не расскажет Вере. По умолчанию, подруги, даже не принимая в расчет кавказца и редких Вероникиных приятелей, уже давно вошли во взрослую жизнь, которая позволяла смеяться над дурочками с колечками.

Выглянув в окно своей комнаты часа через два, уже в но-чи, ей показалось, что среди кустов маячит его белая фут-болка. Он ждал, переживал. Удивленный до сих пор неожиданным эффектом, он чувствовал в себе набухающую в раз-ных местах ответственность и рисовал будущее с Никой, ко-торая его чем-то зацепила. На завтра он заявился с букетом огромных белых роз для торжественного предложения руки и сердца.

Вероника обещала подумать. Розы были поставлены в ва-зу под материны ахи и долго сохраняли свежесть. А она уеха-ла после защиты диплома в экспедицию копать курганы IX века где-то в верховьях Волги. Когда вернулась, новизна пе-

реживаний спала, стерлась, заменилась новыми, уже более осознанными, с открытым и освоенным удовольствием. Потом и отношения начала лета затерлись среди других дел, людей, впечатлений, пока полностью не исчезли, как те белые розы. Остался в памяти лишь фиолетовый цвет. Вспомнилось и блеклое продавленное ложе, покрытое, как потертой попонкой, равнодушной убогостью квартиры на одной из улиц Ямского Поля. Над всем этим заскорузлым убранством, несмотря на любовный порыв, оглядкой всполохивал страх – Вероника боялась, что обязательно кто-нибудь войдет.

Мать потом рассказывала, что стала почти что свидетелем потери дочью невинности. «Вот тут, тут, прямо на этом самом диване оно и произошло», – рассказывала она тетке, показывая рукой, как в музее, на один из экспонатов непутевой жизни дочери. – И ведь не стыдно ж было! Могла любого приличного парня оттолкнуть – прыгнула-таки в постель до брака-то! А этот – удивительно, но нет, не оттолкнулся. Даже наоборот – приходил! И просил! И меня просил, умолял: хочу жениться на вашей Веронике! Я для нее все сделаю! А эта вертихвостка посмеялась и убежала с подружками то ли в очередной театр, то ли на пьянку. Нет, ну ты представляешь? А потом она отправилась с рюкзаком какие-то могилы копать. Вот и докопалась до одиночества. Подружки все в порядке, все в шоколаде! Мы ведь не так ее воспитывали, правда?»

Тетка кивала с понимаем и чуть расширенными от ужаса глазами. Вероника мать не переубеждала. Бесполезно. К причитаниям про свою непутевость она уже привыкла, а остальное... Да и какая разница, какой именно диван принял на свои покачивающиеся ножки ее девственность? Даже нет разницы, чья тогда была квартира.

* * *

Вероника видит свою комнату каютой огромного судна. Она привыкла к уличному шуму, как к волнам за бортом. Даже при закрытых окнах он точно сообщает, какая снаружи погода, то хриплым чириканьем весенних воробьев, то мокрым шелестом шин, то подхрипывающим на светофоре торможением грузовиков. Загруженная транспортом, полная угловатой некрасивости, улица тянется до вокзальной площади. Вероника не любит ни ее блеклых красок, ни ее гула, ни ее запаха окраинности.

К площади Вероника выходит переулками, сходящими под углом на развороте трамвайных путей. Теперь трамвай отодвинули, рельсы с гусиными лапками стрелок разобрали. Там идет стройка. Старообрядческая церковь выглядит потерянной. Она осталась без поддержки двухэтажных заставных построек – их снесли первыми. Потом на их месте открыли бензозаправку, которая тоже долго не продержалась под натиском нового застройщицкого аппетита. Церковь, как старушка, становится меньше ростом – вокруг рас-

тут здания, как сорняки-мутанты, захватывающие и подминающие под себя квадратные метры, пухнувшие в цене.

Веронике хочется позвонить старым друзьям, сесть на метро и помчаться туда, к ним, чтобы все-все обсудить, пожаловаться на жизнь, на мать, на свое неказистое существование. Она бросает взгляд на вход в метро, на толпу при вокзального народа и нащупывает мелкие деньги в кармане. Вместо того чтобы спуститься под мост, она поворачивает налево, идет по краю площади, как по берегу моря, и выходит на Тверскую. Там кипит совсем иная жизнь. Вероника думает, что и одета как-то не так, и у нее нет цели... Потом ее затягивает полноводный людской поток. И вот он уже несет праздную Веронику вниз, туда, где прохожих становится все больше, где день взрывается радостными приветствиями, где один за другим открывают двери новые магазины с высокими окнами витрин. Город дышит безмятежной и безличной свободой.

[1] Александр Блок, «Она вошла с мороза».

глава 5.

В полудреме

Время нарезает круги, оставляя на каждом зарубки, уплотнения, пустоты. Мать, освоившись в теплой тетушкиной заботе, говорит: «Жизнь проходит зря, посмотри на себя! Живешь, как дышишь, но в полудреме. Ладно хоть стоящую работу нашла, но это же не все! Это не может быть всем! Зарылась в свои книги и переводы, как крот. А люди? А простое женское счастье? В чем смысл твоего ежедневного существования?»

После этой цепочки риторических вопросов обязательно следует цитата из кого-то великого, Горького, к примеру, с его «мещанами» или «дачниками». А то потом ткнет в нее еще кем-то выгодным, кто рекомендовал отдавать себя другим каждую свободную минуту. Вероника помнит, что тетушка читала тогда матери вслух Ричарда Баха, его «Чайку по имени Джонатан Ливингстон». Гордая птица, восставшая против той самой бессмысленности бытия, бросившая вызов стае, сумела пролететь лишь несколько глав и упала, когда тетушка услышала мерное похрапывание матери. Смахнув слезу, тетка взяла купленную Вероникой книгу и уехала домой, чтобы спокойно прочитать и разобраться в смысле жизни.

Мать же, оставшись без философских притчей, не полу-

чая удовлетворения от научившейся ей не отвечать Вероники, устраивается на кровати с подушками. Дождается, когда непутевая, безрадостная дочь уйдет, и включает любимый телевизор.

О смысле своего существования Вероника не хочет думать, как не хочет читать и втиснутый в современную обложку экзистенциальный эксперимент Баха. Ее раздражает популярность прописных истин, рассчитанная на растерявшихся в нынешней реальности.

Она снова думает о том, как ловко можно скроить новое пальто из старых лоскутов, когда никто сегодня не хочет ломать мозги над Шопенгауэром или Кантом. Нет, она, конечно, заглянула в книгу, чтобы отыскать там ответы, обещанные популярностью произведения. Оказалось, что чайка машет крыльями и решает свои проблемы с коллективом, со стаей совершенно по-заратустровски! Но об этом лучше вообще никому не говорить. Вот уж точно: «многие знания – многие печали»...

Первый раз она поняла, что люди не хотят знать лишнего, разрушающего их компактный уютный мир, когда попыталась открыть глаза на самую что ни на есть правду закадычной подруге Вере. В нашумевшем тогда фильме «Асса», который они ходили смотреть в кино, наверное, раз пять, она услышала свою любимую мелодию с пластинки лютневой музыки какого-то, теряющегося в сумраке сводов монастырей, XVII века.

– Гениально! – шептала тогда в темноте Вера и сжимала ее руку. – Под небом голубым... И подниматься на фуникулере над Ялтой, над морем...

Они еще грезили романтикой, только-только приоткрывая огромный мир взрослых, и мечтали о любви. Вероника не могла промолчать. Еле дождавшись заключительных кадров, она начала объяснять подруге, что музыка не из сегодняшней Ялты, даже не из нынешнего столетия. Она потащила ее к себе домой и уже хотела поставить в доказательство пластинку, как подруга в этот момент ее почти возненавидела.

– Не надо мне никакой лютни! Не хочу ничего слушать! Замолчи! Ты только все портишь! Ты все уничтожаешь! Зануда! Книжный червь! – кричала она, вырывая руку.

Вероника так и осталась стоять тогда в одиночестве с пластинкой в руках. «Это же правда! Это же логично – дойти от истоков», – твердила она удивленной матери, поспешившей на крики и возмущенное морзе Вериных каблуков по лестнице. «Кому нужна твоя правда? – спросила мать. – Так только всех друзей растеряешь».

Да, слушать мать с повторяющимися наставлениями и обвинениями Веронике и сейчас не очень нравится. Правду она за это время постаралась немного размыть, сначала болезненно морщась, а потом и по привычке к ее сточенной неяркой тени.

Теперь ее жизнь, полная дел и чувств, требующих мед-

ленной реставрации, идет себе и идет. Вероника же двигается параллельно с ней, как по улице вдоль железнодорожного полотна. Где-то черкают по ней пунктиры пешеходных переходов, гремят большегрузы, а впереди перед площадью возвышается мост с каменными тяжелыми основами. Под него, в жерло туннеля, заезжает транспорт, спешат люди, скатывается зимой поземка. Не оправдала она материнских надежд, не оправдала.

Мать всегда мечтала, чтобы у Вероники была семья. В мире, в котором росла Вероника, получение среднестатистического образования виделось процессом накатанным, обыденным. Целью было теплое место в каком-нибудь НИИ или хорошей библиотеке. Несложно обрести, нетрудно работать, жить не мешает и конфликтов не создает. А вот найти правильного мужа – настоящая серьезная мишень, в стрельбе по которой нужно практиковаться с раннедевического возраста. И да, это важно. Такие разговоры не допускали ни усмешки, ни подмигивания – тем более в мире разведенных женщин, к которому последней прибилась тетка Полина с багажом в виде горького осадка предательства. Вокруг подрастающей Вероники только такие и были.

Правда, несносная Вероника умудрилась внести свои коррективы и в распланированную, как пятилетка, обыденность. Мать настаивала на Институте культуры, потому что какая-то дальняя родственница работала в Ленинской библиотеке. Какое это имело отношение к Веронике, непо-

нятно, но мать, слабо и узкообразованный служащий какого-то НИИ, была уверена, что имеет. Женщины, собравшиеся на семейный совет, говорили громко, кричали, размахивая руками и приводя доказательства с разными примерами из советской литературы. Только тетка Полина молчала – для нее любой диплом обладал розовым ореолом святости. Вероника слушала, переводя взгляд с одной родственницы на другую. Потом даже попыталась неуверенно вставить слово. Но оно проскочило незамеченным и ускользнуло куда-то между чашками, баранками и женщинами, как мышь в щель между шкафом и кроватью.

Вероника уже тогда понимала, что спорить при неравных силах бессмысленно. Просто после длительных наставлений и указаний, когда пришла пора выбирать, пошла и подала документы в Институт иностранных языков. О нем вообще никто не говорил на семейном совете, а Веронику – Нику, как ее называла тогда мать, – никто не спрашивал. А ведь именно дочь воплотила в изучение французского романтические грезы матери о стране мушкетеров в исполнении Боярского и Смехова, галантности и лучших парфюмеров. Языки Веронике давались легко, но делать из них профессию при отсутствии нужных связей и закрытых границах? В конце 80-х это казалось неудачным и неблагодарным делом.

Мать удивилась, затем разозлилась, а потом поджала губы и бросила презрительно:

– Ну и дура. Упрямая дура. Будешь всю жизнь тетрад-

ки дебилов проверять! Глаза портить! Или экскурсии водить в дождь и мороз? Одно и то же тараторить? Ноги стирать! Ты этого хочешь? Ну-ну! Давай, сиди и дальше со своими словарями! А ведь могла бы жить иначе – если б послушалась!

Чем теплое место в библиотеке лучше тетрадок дебилов или экскурсий, Вероника не поняла. Но не спорила. И не слушалась. Что за характер? Родственники удивлялись, поглядывая на нее искоса, когда она накрывала на стол и обязательно что-нибудь роняла. Звенели жалобно ложки. Чашка начинала каждый раз уворачиваться и обязательно куда-то падала. «Иди уже, – устало говорила мать, отодвигая ее от семейного фарфорового богатства, – иди. Нечего тут размышлять, когда не руки, а крюки. Или вон, варенье принеси. Донесешь хоть или тоже грохнешь где-нибудь по дороге?»

Вероника шла на кухню и ощущала легкое касание встрепенувшейся, как падающее перышко, маленькой свободы – пусть на какие-то пару минут, пусть на несколько коротких шагов, когда всему родственному ядовитому сочувствию видна только ее спина.

глава 6.

Грех уныния

– Какой импозантный мужчина сейчас зашел к директору! Новый клиент? Интересно, от какой фирмы...

– Ника, – коллега смотрит на нее удивленно, – ты что, его не знаешь?

Вероника напрягается. Ну вот, опять ей указывают на то, что она что-то пропустила, не заметила или не знает в лицо очередного выгодного рекламодателя с большими планами и пухлым кошельком.

– Это же муж Насти, – шепчет Лена. – Ну муж не муж, но они вместе жили... Помнишь, мы встречались с ней на Кузнецком? Когда мы в подвальчике вкусняшном сидели, а она к нам забежала? С пакетами из разных этих, бутиков? Ты еще потом сказала, что там вещей на пару тысяч баксов типа потянет...

– А-а-а, – тянет Вероника, – да, помню. Жеманная такая... Красивая, это да, не отнять! Но мне она показалась несколько искусственной, избалованной. Да и всячески желала показать всем кругом, что ей удалось схватить бога за яйца...

– Ой, ну ты и скажешь! И не бога за яйца, а мужика вот этого! Знаешь, кто он? Не последний человек, ну, то ли в Лукойле, то ли в Газпроме! Я не помню. Да и Настя не сильно вдавалась в источники его типа доходов. От нее, это, ну, са-

ма понимаешь, требовалось выглядеть как надо и молчать. А деньги были не самым важным, ну, то есть, не сами деньги, конечно, а откуда они.

– Конечно, деньги не важны, когда их много, – улыбается Вероника.

Она вспомнила Настю. Она ведь и правда, совсем чуть-чуть, но ей тогда позавидовала – молодая, лет двадцати пяти, с ногами от ушей, умеющая в отличие от нее обращаться с палочками и знающая разницу между «суши» и «сашими». А тот незабываемый момент, когда Настя эффектно возмутилась отсутствием на столе розового имбиря? «Как же так? Как можно есть суши без розового имбиря? Эй, уважаемый, да-да, вы! Вы же официант в этой харчевне или где? Сюда подойдите!»

Розовый имбирь немедленно появился на маленьком подносе вместе с низким, в японском стиле, поклоном официанта, с извинениями перед дамами и десертом за счет удивившегося заведения.

– Так вот, – подруга наклоняется к самому уху Вероники, – этот мужик Настю бросил. Только ты никому, ладно? Здесь многие ее знали – они дружат, то есть дружили домами с нашим главным. Она звонила мне два дня назад вся в слезах. Мир ее полностью того, рухнул. Ее очень жаль, сердце просто разрывается.

Вероника не слышит особенной жалости в Ленином голосе. Она представляет себе Настю с палочками в руке, когда

та, махнув удаляющемуся официанту, снова смотрит вокруг уверенно и немного брезгливо.

– Лена, жаль, конечно, но ее мир не может рухнуть! Ей сколько лет? Максимум двадцать шесть! У нее еще этих мужиков будет вагон! И она, к тому же, обалденно красивая!

– Ника, – удивляется Лена и отодвигается в театральной паузе, давая понять всю смехотворность и наивность утверждений. – Ника! Она будет искать, конечно, «этих мужиков», но возраст! Папик-то ее променял на юную краля, свеженькую и пока, ну, как бы еще не избалованную, из тех, кого Москва каждую минуту притягивает типа за стринги и смазливую мордашку. Ты как с неба свалилась! Все же так естественно...

– Не поняла, что тут естественного? Что он променял ее на юную? Куда ж еще моложе? Он что, педофил? Так хорошо, что она от него...

– Лучше бы вовремя забеременела! Тогда он, может, и не свалил бы вот так. Любовницей бы, это, на пару раз просто ограничился, ну так, для разнообразия... Настя была с ним почти два года! Достаточный срок. С этими, как их, надежными перспективами. А теперь он, видно, это, пресытился. Она стала ему больше типа не интересна. Тут еще вопрос, конечно, была ли и раньше интересна...

Лена тихо смеется, довольная шуткой, и сдувает игриво свисающий локон. Веронике кажется, что коллега получает настоящее удовольствие от печальной истории малоозна-

мой девушки Насти. А ведь еще совсем недавно ее успех дарил надежду самой Лене. Она хорошо помнит восторженные рассказы о том, как та бежала на зов подруги, ехала в Бутово, где Настя когда-то снимала маленькую квартирку, чтобы потом вместе отправиться на вечеринку или в модный ночной клуб. Когда появлялся очередной Настин обожатель-поклонник, Лена отступала в тень, но не оставляла мысль получить что-то и для себя. Настя, правда, из Бутова быстренько смылась – когда перешедший в иной, более стабильный, статус поклонник ее перевез к себе. Лена с тех пор довольствовалась коротким общением с подругой, пересекаясь в свободное время от работы и Настиного «папика» в кафе или шумных барах.

«Бедная Настя!» – совершенно искренне думает Вероника. Она прекрасно помнит первые недели после того, как муж отправился восвояси с собранными вещами. Было грустно. Было пусто. Она своими руками, как кричала ей мать, разрушила собственное счастье, а потом складывала в чемоданы его обрывки в виде купленных когда-то вместе рубашек и книг. Даже при том, что это было ее решение, Веронике казалось, что земля остановилась на своем эллипсе, зависла и приготовилась ухнуть с острого края ее жизненного обрыва в какую-то черную дыру. Будущее представлялось неясным.

– Кстати, хотела тебе сказать, она, это, свои вещи продает. Ей деньги срочно нужны. У тебя такой, ну, – Лена запинает-

ся, придирчиво, но смущенно оглядывая Веронику, – скромный гардероб, а у нее Армани с Версаче образовались лишние. Не хочешь посмотреть?

Цены у Насти, которая не поленилась и приехала к ней с двумя большими полосатыми баулами, кусались, как жесткая шерсть свитера не то из козьей, не то из собачьей шести. Веронике неудобно ничего не купить, и она выкладывает 20 долларов за теплую водолазку и столько же за джинсы. Лена всплескивает руками, уговаривает получше рассмотреть еще и пиджак с блестками. Настя сидит, как фарфоровая кукла, глядя печальными глазами на свои вещи, кочующие временно из сумок на кресло, а потом – окончательно и навсегда – на диван. Их судьба решена. Они нашли новый дом, вернее новый шкаф. Настя обреченно вздыхает.

Потом они втроем идут на кухню пить чай. Мать выходит к ним, приодевшись, даже воткнув серьги в уши. «Только вчера умирала, – зло думает Вероника, – а тут прямо и за стену не держится. Вот что делают желание праздника, запах обновок и девицы, зашедшие на огонек».

– А мне мы ничего у Настеньки не купим? – Мать, раскрасневшаяся и радостная, готова тут же идти смотреть принесенное богатство. В магазинах она давно не была, да и из дома-то выходила последний раз месяца два назад, в поликлинику, в сопровождении тетки. Обратно, помнится, они вернулись в полном изнеможении.

Настя не скрывает радости. Девушки возвращаются в ком-

нату. Вероника обреченно плетется за ними. Мать роется в вещах. С подачи Лены она выбирает фиолетовый свитер с глубоким вырезом и серебристой атласной звездой на плече.

– Мама, куда ж ты его собираешься носить? – спрашивает Вероника, которой вдруг становится жалко недавно появившихся денег. Еще бы мать купила что-то толковое, теплое, такое, что можно носить дома... Ее начинает раздражать эта суета, непривычная суета после стольких лет квартирной тишины. Барахолка. Мать уже с жадностью погружается во вторую сумку, а Лена вытаскивает и, встряхивая, прикладывает к ней то блузу, то жакет.

– Доченька, – нежным голосом, в котором читается скрытая от посторонних ушей ненависть, произносит мать, – я же женщина, или ты меня уже таковой не считаешь? Пенсию-то всю свою я трачу на квартиру, на нашу жизнь... Вот, приходится одалживаться...

Последнее предназначается Лене. Мать и раньше была с ней знакома, хотя и не жаловала ее. «Растеряла всех хороших людей, так теперь подбираешь разную шваль», – вот что она говорила. Сейчас, впрочем, за чаем и разбором вещей иначе как Леночкой и Ленусечкой мать подругу не называет.

– Ника, как тебе не стыдно! Мама заслуживает не только этот свитер! Всего-то ничего – 30 зеленых за такую, ну, стильную вещь! Не жмотничай.

– Эти вещи приносят удачу, – вдруг выдавливает из себя

бледная Настя. – Когда они покупались, меня окружала, эта, как ее, аура счастья и надежды. С каждой из них я дарю вам и вашему дому мои самые лучшие пожелания добра...

«Про „дарю“ с такими ценами я бы не стала говорить», – тут же отмечает про себя Вероника, но вслух ничего не произносит.

– Настенька, – мать всхлипывает, – девочка вы моя... Вы такая красивая, нежная, такая удивительная, еще и добрая... Все будет у вас хорошо! Сколько там всего у нас получилось? Да, вот эту блузку мы тоже возьмем. Сама заплачу! Вера, принеси мой кошелек.

Лена тихо шепчет что-то Насте на ухо, махнув слегка рукой. Дескать, все тут, больше с них ничего не возьмешь. Настя вздыхает, потом встает, быстро пересчитывает полученные деньги, засовывает во внутренний карман сумки и говорит бесцветным голосом: «Спасибо вам, я рада, что была, ну, полезной. У вас такой гостеприимный дом».

Потом извлекает из баула бутылку водки. «Отметим, а? – призывно всем кивает. – Закуска найдется какая-никакая?»

Подхватив новые вещи и повязывая на ходу подаренный Настей в качестве бонуса шарфик, мать удаляется в свою комнату: «Я к вам попозже подойду. Вы, девочки, там уж сами на кухне подсуетитесь. Вера все накроет». На полпути, уже в коридоре, ее чуть шатает. Она дотрагивается до стены, удерживая равновесие и покупки.

– Здоровье такое слабое, а радости мало, – она смотрит

с укором на дочь. – Вера занята весь день, все гуляет... А я совсем одна. Девочки, заходите почаще!

– Какая у тебя мама классная! А как хорошо сидим! – говорит Настя, еле дождавшись рюмок и повеселев. Она от нетерпения плеснула водку мимо. Теперь пытается собрать со стола прозрачную жидкость кусочком черного хлеба. – Как тебе повезло, Вероника! Мама рядом, квартира в центре Москвы... Никому ничего не должна. Вот и работа у тебя тоже, хорошая, интересная, как у Ленки, и это, образование получила...

Вероника смотрит на Настю. Она не встречала в своей жизни более красивой молодой женщины: большие голубые глаза, темные брови, русые волосы, заплетенные в толстую косу... Картинка да и только. Этакий классический вариант русской красавицы. И что этому мужику еще было надо? Почему он ее бросил?

– Да, она компанейская, – отмечает осторожно Вероника, уверенная в том, что мать подслушивает у двери. – В молодости в походы ходила, разные там компании, шестидесятники... Жизнь была ключом и поклонниками...

– Вот и у меня так было, – вздыхает Настя, видимо, услышав только последнюю часть фразы, про поклонников. – А теперь все в прошлом, все навсегда в прошлом...

Она наливает себе водки и ловким жестом опрокидывает в рот. Перед Вероникой и Леной стоят наполненные рюмки, но ни одна до них пока не дотронулась. Настя выпивает

еще. Потом еще. В какой-то момент, подперев щеку кулаком, начинает тихонько выть по-бабьи, по-деревенски, очень по-русски.

– Слушай, ну что ты так рассиропилась? Какое в прошлом? Тебе же только двадцать шесть! Уже двадцать семь? Ну это, поверь, тоже ведь типа не возраст! Ты такая красивая...

Лена обнимает подругу и обращается к Веронике:

– Ника, дай платочек, пожалуйста. И подкинь эту, как ее, колбаску ту, ну ту, салями вкусенькую. И сыру тоже захвати. Кстати, а почему это мама тебя типа Верой называет?

Вероника устала. Она мечтает о том, чтобы гости наконец ушли. Но послушно встает и начинает по-новой резать колбасу, сыр, хлеб, достает банку маринованных огурцов. Больше в холодильнике ничего такого, фуршетного, не остается. Про имя она решает отмолчаться. Что тут скажешь, если мать начала после развода ее так называть? Тогда придется рассказывать и про настоящую Веру... В конце концов странное, немного легкомысленное имя Вероника, свалившееся на ее голову при рождении, можно легко нарезать на разнообразные куски.

Настя снова опрокидывает стопку в рот. Лена гладит ее по голове и сует ей колбасу:

– Закуси, закуси, не пей ты просто так, а то до дома, это, того, не доедем... Ну надо же, бедолага ты моя...

«И правда, как они поедут домой? Лена вроде не водит,

а Настя уже в полном ауте», – думает Вероника.

– А вы оставайтесь ночевать! Места много! Вера постелет, – на кухню входит мать в новом свитере. – Как вам? Как я выгляжу? Правда, здорово? А что ты, Настенька, раскисла-то? Мужики сволочи, а тот твой – так вообще урод, если такую, как ты, бросил, красавицу! Плюнь. Вон Верка своего выгнала и ничего. Переступила и пошла дальше. А какой муж был! Мы были за ним, как за каменной стеной!»!

«Вот-вот, мы были, именно так, – зло вскидывается Вероника, – как же теперь жить, без дочериного мужа-то?» Вслух снова ничего не говорит. Она только смотрит в темноту за прозрачными занавесками, где зажигаются мягким светом, может быть, более счастливые окна.

Лена собирается поймать такси и уточняет у хозяев, где, на каком незнакомом перекрестке, ей лучше встать. «А меня за эту, ну, за эту не примут»? – вскидывает глаза на Веронику. – Может, проводишь?»

Веронике не хочется выходить в ночь. Она в ответ, пытаюсь полегкомысленнее, наигранно смеется, напоминая, что «эти» стоят тут недалеко, на вокзале или на Тверской, в зависимости от цены. Потом показывает подруге, куда повернуть от подъезда. Тем временем Настя допивает бутылку. Под конец она совершенно растекается на столе, то укладывая голову на руки, то пытаясь придерживать ее в вертикальном положении. Голова не слушается и съезжает набок, на локоть. Мутные глаза Насти слипаются. Вероника ей стелет в боль-

шой комнате на диване, сдвинув в сторону кресло и сумки с вещами. Когда она возвращается на кухню, Лена собирает посуду. Потом они вдвоем под причитания матери тащат отяжелевшую подругу в гостиную.

По дороге Настя вдруг останавливается, сбивая ритм и центр тяжести, и вполне осознанно всматривается в лицо Вероники.

– А где тут во-восток? – спрашивает она, почти не заикаясь.

– Какой восток? – Вероника чуть не падает от неожиданной остановки.

– Тут всюду восток, не волнуйся, все, это, на месте, – успокаивающе произносит Лена. – Куда ни посмотришь – везде типа самый что ни на есть восток...

Настя удовлетворенно кивает и снова обвисает у них на руках. «Это она по фаншую живет, – объясняет Лена. – Типа исповедует его. Много мне рассказывала разного, интересного, фаншуйского, про потоки энергии, про правильную жизнь по законам, этой, природы... Настя в группу ходила, там коуч у них то ли с Тибета, то ли из Узбекистана... Она начала и своего папика приучать, только, вот, не успела толком...»

Лена уезжает. Настя засыпает на диване, который вряд ли соответствует традициям фэн-шуй. С востоком тоже возникают вопросы... Вероника наводит на кухне порядок, моет посуду. Вытирает руки. Думает, что надо бы еще протереть

стол, но устало опускается на табурет и глядит в окно. Редкий свет фонарей качается там, снаружи, за деревьями. Вдалеке проходит шумная компания, всплескиваясь девчачьим визгом и басом парней. Кто-то зовет собаку. Жизнь московской ночи никогда не бывает тихой, но сегодня она такая посторонняя, что хочется плакать.

– И где ты эту пьянь выискала? – В дверях стоит мать. Свитер она уже сняла и надела свой любимый халат. – Девка пьет, как сапожник. Вот уже, понятное дело, и вещи свои распродает. На водку ей не хватает, небось? Из какой глуши она в Москву притащилась? Мордашка смазливенькая, мужиков подбирает на приманку. А потом что? Они ею поиграют, поразвлекаются и бросают. Много таких! Штамповка. И своего ничего нет, легко подстраиваться. Слышала, что она говорила? Она своему папику аж мясо резала в тарелке. А не так порезала – он ей это мясо вместе с тарелкой... в морду. В ее красивую лисью мордочку. И теперь она в страданиях. Поделом! Боже ж ты мой, они ведь такие одинаковые все, как под копирку нарисованные.

– Мама, – устало произносит Вероника, – ты же только что ее жалела! Говорила, что мужики сволочи, убеждала в том, что у нее все будет хорошо. А сейчас что? Пьянь, под копирку... Она с горя, может, выпила...

– Господи, Вера, какая ты наивная, все никак не выучишься жизни. Да мало ли что я говорила... А ты ей завидовала? Честно скажи, завидовала?

– Да раньше я эту Настю толком и не знала. Один разок пересеклись... Она Ленкина подружка.

– А, этой пустышки? Она-то Насте точно завидовала. А теперь вот увидишь, попомни мое слово: мужик деру дал, вещи она продаст, работу найдет-не найдет, да и что она умеет-то, кроме как передком махать, – и твоей Ленке эта Настя станет неинтересна. А ты с ними каким боком? Деградируешь, Вера... Ох, сил нет, устала. Давление скакнуло точно за 200 тут со всеми вами. Померишь мне, а? Все же гостей принимать – нелегкая работа...

* * *

Настя появляется в их офисе через неделю, подтянутая, улыбающаяся, в ярко-голубом костюме и с маленькой золотой сумочкой через плечо. Лена смотрит ей вслед, машет приветственно рукой, но остается Настей не замеченной.

– Чего это она? Не видит нас, что ли? – обращается немного разочарованно к Веронике. – И что это она тут забыла? Продефилировала прямиком, ну, к начальнику. Деловая!

– Не знаю, может, просто зашла, – Вероника не хочет отвлекаться от работы. Ее не сильно интересуют ни Настя, ни ее визит. Это вон Лена прямо извертелась: то привстанет, то обиженно уставится в компьютер, но через минуту уже снова толкает Веронику, задавая вопросы. Веронике сказать нечего. Она лишь помнит, что сегодня нужно сдать проект. И хотелось бы не в последний момент, уже в ночи.

После того вечера и утренних слезных просьб опохмелиться она больше Настю не видела. Чем опохмеляются, кроме рассола, Вероника не знала. Она достала вчерашнюю банку маринованных огурцов и сварила кофе.

Настя произнесла с запинкой: «Я тут, в общем... Я щас». И принесла из машины несколько банок пива. Уезжать она не собиралась. Мать нарочито кашляла и каждые пять минут звала дочь. Настя включила телевизор в большой комнате, где спала минувшей ночью, и снова попыталась продать Веронике вещи. Вероника металась между гостьей и матерью, пока не набралась наконец решимости и не объявила, что ей надо уходить. Куда ей срочно надо в выходной, она придумать не успела.

Настя смотрела на нее голубыми, ничего не выражающими глазами удивленной и прекрасной коровы и не двигалась с места. И тут мать завопила из комнаты, что давно ждет того самого, привезенного Петром Васильевичем, лекарства, что ей плохо, что она хочет бульона, а для этого надо купить курицу. И да, разумеется, надо срочно вызвать врача. Потом, не дождавшись ответа, она добавила, что скоро приедет тетушка, строгая и бескомпромиссная, не склонная терпеть в доме чужих людей.

Настя сказала:

– Ну хорошо, я вам не буду мешать. А ты иди, иди, куда надо. И легла на диван.

Изгнать Настю удалось позже. Прибывшая тетка Полина

сразу осознала расклад. Понимая лучше других трагизм ситуации, села рядом с гостьей на диван и начала читать молитвы. Настя покрутилась, попыталась натянуть на голову плед, но тетушка завывала еще громче. Когда она начала трясти девушку за плечи со словами «изыди, бес отчаянья, нет большего греха, нежели уныние», Настя вырвалась из ее рук и вскочила на ноги.

– Я дам тебе адрес нашей церкви! Там тебе помогут! Все мы грешные, прости, Господи! – кричала тетка вслед убегающей с сумками Насте и крестила оставленный ею сквозняк.

Вот с тех пор Вероника Настю не видела. Лена отмалчивалась. Из этого Вероника сделала вывод, что она тоже ничего не знает о подруге.

– Внимание всем, – Глава отдела внешней рекламы выходит из своего кабинета. – Хочу вам представить нового сотрудника. Это Анастасия. Она опытный специалист в области коммуникаций и общения, отношений, взаимных отношений с общественностью. Анастасия будет осуществлять связь между различными проектными и креативными группами, проверять контент, контактировать с клиентами, регистрировать цели и помогать в организации презентаций и мероприятий.

– Бли-и-и-ин, – застывшая рядом Лена кривит рот. – Пристроили ее таки к нам. Понятно теперь, зачем ее папик бывший тут, того, ходил! Вот и находил. Этот наш, рекламщик косноязычный, – его дружок лепший. И правда, зачем добру

пропадать? Ее на переговоры в офис заведут, как корову-рекордсменку на эту, как ее, сельскохозяйственную ярмарку, и все сразу в рекламной шляпе: клиенты только на нее типа и будут смотреть, ну и контракты подписывать, не глядя на эти, ну, условия. А нас с тобой она будет учить, как правильно работать, и двух в три шеренги строить – ведь она с нами, того, знакома, да еще и отыграется за то, что видели ее не в самом, этом, лучшем свете. Я ее знаю. Так что готовься!

– Но она же вообще без образования, – шепчет Вероника, пропустив мимо ушей последние слова Лены. – Как она будет «осуществлять и коррегировать»? И какие мероприятия сможет организовывать? – Она вспоминает размазанную тушь под Настинными глазами и пролитую на стол водку. – Впрочем, разве мы с тобой можем что-то изменить?

глава 7.

Ножички и фараоны

Вероника смотрит и смотрит на вошедшего в комнату мужчину. Хорошо, хоть успела бокал поставить на столик. Тонкая шпажка из-под медленно, с предполагаемой изысканностью съеденных фруктов впивается в ладонь.

– Ой, смотри, – Лена выводит ее из ступора, – кровь! Чем это ты так порезалась? Возьми быстрее салфетку!

Вероника разглядывает свою ладонь.

– Как такое могло случиться? – думает она. – Ничего не почувствовала! Будто под наркозом. Прямо как одна из подруг жены Потифара, советника фараона!

– Какого фараона? Ты бредишь?

Вероника понимает, что сказала это вслух. Не стоит, конечно. Теперь придется объяснять и выглядеть интеллектуальной белой вороной. Очень некстати. Так можно, не успев толком ни вписаться в общество, ни почувствовать его вкус, сразу оттолкнуть от себя людей. Вряд ли Лена или кто-то из рядом стоящих гостей, с сочувствием улыбающихся Веронике с ее окровавленной салфеткой в руке, знают историю Иосифа... Лена и так взяла ее с собой, скорее всего, из жалости. А может, и в знак благодарности – все рекламные идеи, которые представляют вместе на суд главного, ведь поступают из головы Вероники. Как Лена ни напрягается, кроме

срифмованного «мы все сделаем для вас – лишь купите противогаз», у нее мало что получается.

Вероника стала для Лены счастливой находкой. Ее взяли в компанию поначалу переводчиком в расчете на новых перспективных клиентов. Потом выяснилось, что из нее под любой заказ льется потоком разный «креатив»: слоганы, идеи рекламных кампаний, их воплощение. Иногда даже рождаются стихи. Они могут появиться вдруг, в автобусе или под тоннельный перестук поезда метро. Только успевай записывать! А вот выпустить «креатив» из рук оказалось самым сложным делом. Ей было страшно положить на стол начальнику отдела напечатанные и отправленные на вольные хлеба строчки или показать хотя бы Лене. «Глупость, наверное, – повторяет про себя неуверенная Вероника, – надо бы еще подумать, все взвесить, а не бежать к людям с первым попавшимся. А вдруг это не то? Вдруг засмеют?»

На следующий день то самое, запутавшееся в сетях ее мозга и записанное в специальный блокнот, перестает быть первым порывом, возникшим из ниоткуда, а поэтому нестойким в своей архитектуре. Оно обрастает мясом, к нему пристраиваются новые веточки вариантов и зазывающих красот. На Ленино нетерпеливое «ну что, Никочка, неужели так и нет никаких типа идей? Время-то поджигает!» она наконец решается и подает исписанные листы.

Когда-то она сочиняла стихи. Однажды ей даже предложили выступить в одной из известных московских библиотек. Вероника очень волновалась и читала, стараясь не смотреть на зрителей. И до последнего произнесенного слова, которое поднялось к высокому своду зала, зацепилось там на секунду за вечность и повисло маленькой звездочкой надежды, она не была уверена в своем праве там стоять. Стихи были не женские, а потому Веронике казалось, что она обманула приглашенных.

Я возвращаюсь к воздуху и к ночи.

В окне полоска неба, облаков клочья.

Вижу света треугольник жести.

Сегодня все как прежде. Мир на месте.

Потом Вероника принимала цветы, выслушивала комплименты, но все равно сомневалась в поэтической ценности своих действий. Тем более она, тут и уговоры не нужны, видела настоящий успех у коллеги по программе – приятеля дальнего круга, музыканта, который выступал во втором отделении. Его песни, его гитара, его музыка, вырывающаяся из стихов Бродского дрожащим нервом скрипки и сочащаяся из строк Лорки соком граната, – все было полноводно звонким и таким талантливым, что замирало сердце. И ей больше не хотелось выступать ни в первом отделении, ни во втором.

* * *

Говорят, надо уметь падать. Падать, чтобы подготовиться к взрослой и серьезной жизни. Вероника же жила в этом падении, долгом, с небольшими случайными взлетами. Неуверенность. Сомнения. И так всегда. «Ты гений! Классно придумала! – восклицает Лена. – Давай я чуть-чуть вот тут, ну, немного, типа, подправлю, и мы понесем сдавать!» И они несут.

– Вы прекрасная команда! – улыбается довольный шеф.

Она никому не рассказывает, что живет теперь без стихов. Они ушли. Рифмованные рекламные тексты не в счет. Они выглядят насмешкой, отрывкой. Поэтическая немота, как кляп, сковывает рот. Попытка записать слова, иногда выныривающие из болотного молчания нынешней жизни, разваливаются, не успев сложиться в строки. Собственно, ее сейчас никто и не спрашивает о стихах. Рядом с ней нет никого, кто помнил бы возбужденную и от этого очень красивую Нику на концерте в библиотеке. Мать не в счет. Она считала все это юношеской блажью, хотя с удовольствием принимала цветы.

Стихи остались в прошлом. Они исчезли вместе с подружкой Верой. А замужество и новая жизнь отбелили бумагу. Иногда ее пытается коснуться ночами звездная пыль рифм, но тает, как первые снежинки, так и не долетев до земли. Утром листы выглядят, как и вечером, гладкими и пустыми.

А еще Вероника не любит прикосновений и не умеет касаться других людей. В ответ ее тоже никто не трогает, не толкает, не тормозит, не обнимает. Только тетка Полина гладит ее руку, сидя на кухне за чаем, или приобнимает на прощанье.

– Дикарка моя, – говорит она, – позволь себе тепло, открой свое сердце для любви.

Вероника руку отдергивает, не желая излишней тактильной зависимости, и потом корит себя за резкость. Но та рука, которой только что касалась тетушка, кажется теплее другой.

* * *

Здесь, на празднике свободных и красивых людей, Вероника чувствует себя фигуркой в стеклянном шаре. Никому до нее нет дела. Немного грустно, но хорошо, что объяснять ничего не приходится – ни про Томаса Манна, ни про красавца Иосифа. А ведь история-то презабавная! Вероника ее очень любит. Увидев Иосифа, богатые и осуждающие хозяйку за легкомысленную страсть к чужестранцу жительницы Фив порезались тонкими, как лезвие, фруктовыми ножами. Или как она сама, через много веков, – шпажкой с кусочком ананаса, вонзившейся в ладонь... Вероника оглядывается. Лена, оставив раненую, которой преданно оказана первая помощь, бросается к группке гостей. Она надеется, что ее представят новоприбывшим. Эффектно, красиво уложенные локоны с заколкой-бабочкой и синее платье уже видны

у барной стойки, где толпятся мужчины. Там громко обсуждают новые модные клубы и казино.

У Лены есть цель. Путившись в плавание по московским просторам, оставив маленького сына в городе детства, она идет по ступенькам жизни и тратит свои силы лишь на правильно выбранные тусовки и перспективные отношения. Вот как сегодня – ей удалось найти интересное место. Она гордится собой и иногда приводит на такие вечера Веронику – пусть скажет спасибо. Ну а дальше сама. Вот ведь москвички – изнеженные создания, все им маслом намазано, возможностей море, а они стоят, глазами хлопают! Результата никакого, пробиваться не умеют, доверчивые, как кролики...

Новая подруга – хорошая находка на рекламном поприще. Лена это сразу поняла, увидев переводы и первые, на пробу созданные слоганы и тексты. Она тут же освободила ей место рядом с собой. Лене не жалко. Намекнула главному, который «корректирует и отвечает за креатив», что да, точное попадание, что будет толк, что берет новенькую под свое крыло, что не только переводы... Поначалу боялась, что их тандем не одобрят.

Лена – что-то вроде связующего звена между отделами. Она бегает от копирайтеров к графикам, носит бумаги, делает вид, что подправляет линии, и советует мелкие исправления. Обязательно перед тем, как советовать, узнает, что важно, а что нет. И тут же своим звериным, заточенным на выживание, чутьем понимает, когда ее слово услышат и даже

поблагодарят, а куда лезть не стоит. Ну чтобы не попасть впросак. Так мало-помалу и отвоевала себе место. Лена начинала незаметно, аккуратно, а сейчас незаменима. Главный ей доверяет, прислушивается к ее мнению. Терпенье и труд... Она знает, что таланта у нее нет, но не страдает из-за этого. Нет его и не надо, зато она в курсе, как сделан мир, как он скреплен степлером на скорую руку и кто в результате выигрывает – редко, когда нежный и не умеющий себя продать талант.

Найдя Веронику, Лена немного расслабляется. Сколько можно скользить по лезвию, не умея ничего из того, за что ценят ее штучных, ярких коллег? Их тандем одобряют. Она держит руку на пульсе офиса и объясняет Веронике задания, делая при этом важное лицо, а потом уточняет, задает вопросы, один раз даже подсказывает рифму... И представляет главному результат их общего творчества. Все довольны.

Вероника всегда рядом и благодарит Лену. Та внимательна к мелочам и смотрит, не собирается ли Вероника поискать что-то получше, не дай бог у конкурентов. Обещает поговорить с шефом о прибавке к зарплате. Вот ведь кладезь идей! И откуда Вероника их берет? Неважно, откуда. Пусть так и остается. Лена ее приблизила, отгородила от других, сделала подругой, посоветовав никого не слушать и никому не доверять.

Веронику, судя по всему, все устраивает. Она вообще какая-то замороженная. И слава богу, Лена ведь о ней позабо-

тится. Для полного счастья и выполнения поставленной цели остается найти пусть не самого богатого, но такого мужика, который станет опорой и ей, и сыну. И тогда она сразу родит еще ребенка, уже общего. И все. Больше можно не работать. История с Настей ее испугала, насторожила. Но ведь она-то не пустышка, с ней такого не произойдет. Осторожность, правда, не помешает, ей папики не нужны. Ей нужен стабильный муж.

– Ну что? Как дела? – спрашивает Лена, выходя на балкон. Вероника стоит там в одиночестве и смотрит в ночь. – Так ни с кем, это, достойным и толковым не познакомилась? Жаль! Тут мужички все типа высшего сорта!

– Познакомилась, но насчет толковости не уверена. Они какие-то, не знаю, какие-то такие, скользкие, – Веронике не хочется обижать подругу, пригласившую поехать в гости к совершенно незнакомому человеку. Да и толковость, видимо, они понимают по-разному. – Они мне задавали вопросы, на которые, наверное, надо было отвечать как-то иначе, что ли... Попроще, наверное...

– А ты им про фараонов рассказывала? – Лена незло негромко гогочет, вспоминая какой-то бред, сказанный Никой с кровью на ладони.

Вероника смущается. Темнота скрывает предательски загоревшиеся уши. Меняет тему. О себе ей говорить не хочется.

– А ты как? Нашла интересных людей?

Лена тоже всматривается в ночь, в огни новостроек. В отличие от подруги, ее вечер удался.

– Слушай, может, ты уже собираешься домой поехать? Я тут... Меня один в гости пригласил, то есть дальше, ну, к нему отправиться, продолжить, так сказать... Я ответила, что, это, с тобой ведь типа пришла... Может, он друга возьмет? Для тебя, в общем... Ну если хочешь, конечно...

Лена не спрашивала нового знакомого о Веронике, как бы не так. Странная она все-таки... Лена уже выполнила свой долг и теперь надеется, что стоящая в одиночестве подруга отправится домой. На работе она выгодна, а тут, в компании, чужеродна, что ли...

Вероника так и делает. Продолжать вечер ей не хочется. Долгое время ее никуда не приглашали. Теперь надо привыкнуть. И эти новые люди с их скабрёзными анекдотами, подначивающими шутками, от которых она краснеет, как девочка-подросток, ей не нравятся. Она их тоже знает, эти шутки, она еще и не то знает, но у них получается как-то противно, гаденько. Особенно когда они ждут, что слушательницы изобразят смущение и восторг одновременно. Вероника благодарна Лене, но чувствует себя здесь плохо. Она не умеет пока стать своей. То, что у этих людей водятся деньги и немалые, раскрепощает их больше, чем алкоголь.

Вероника теряется в их кругу и не может подобрать слова. Ее речь, когда она отвечает на попытки с ней пофлиртовать, отталкивает от нее даже редких желающих. Материться пе-

рестаю́т, а потом разговор и вообще сходит на нет. Вокруг странной Вероники образуется вакуум, а она сама превращается в невидимку. Тот мужчина, на которого она засмотрелась в начале вечера, вообще ее не заметил.

глава 8.

Насупленный характер

– Характер у тебя, Вера, вроде неплохой, но насупленный какой-то, грузный, без радости, – часто повторяет мать, озабоченная одиночеством дочери. – Кто к тебе подойдет-то? И знаешь еще что? Вроде ты едешь, пилишь по своей жизни, как на автомобиле, и все вроде слаженно, вперед продвигаешься, по такой хорошей правильной прямой. Вон работу приличную нашла... А тут раз – и поворот, а на поворотах твой характер так вообще, знаешь, ну, этот, ой – вонючий! Вот да, именно вонючий. И чтобы тебе с машиной своей сладить, да в столб не впечататься, да еще, не дай бог, не задавить какой-нибудь кошки, ты газом, газом затравишь и себя, и всех вокруг. Вроде все удачно, все живы, а выходит, что уедешь, заберет тебя твоя машина подальше отсюда – и все вздохнут с облегчением.

Мать перестает умирать. Вероника приносит неплохие деньги. Тетку тоже понемногу отпускает, она приживается в доме, меньше суетится, пытаюсь угодить матери, и будто отступает на пару шагов. Жизнь налаживается, не считая тех моментов, когда мать начинает вдруг воспитывать дочь. Вероника удивляется, немного отстраненно, по-редакторски, тому, как мать использует образы, сравнения и другие литературные приемы. Дочь прикладывает все силы, чтобы не до-

пустить до сердца стрелы ее умело заточенных и ядовитых слов.

Мать как-то изрекает в порыве нежности, которая иной раз хуже ссор, что в дочери соединяются творческий талант и не менее творческое желание все разрушать. Вероника потом долго думает о сказанном. Оно падает непереваренным куском на дно души. Она мысленно спорит с матерью и не желает соглашаться с тем, что где-то там, на краю сознания, горит, подмигивая красным, сигнал «правды».

Ей иногда кажется, что у нее растут клыки. Вот так сначала чешутся десны, чуть-чуть, потом сильнее, а затем, разрывая плоть, вылезают те самые клыки, как у вампиров. Вероника почти наяву видит кровь фонтаном и то самое превращение, когда и страшно, и дух захватывает от наступающих перемен. Еще чуть-чуть – и она вцепится матери в руку. Нет, не в руку. Куда там полагается? Надо куснуть в шею. Подойти сзади, когда мать отвернется, ворча и пиля ее, непутевую дочь, и впиться зубами. И тогда Вероника изменит ее, изменит безвозвратно, заставит стать такой же, как она сама. После этого, возможно, на уровне вампиров, семейки вампиров, с тайной, скрытой ото всех, они начнут иную жизнь. Эта жизнь будет теплой, как кровь, и бережной друг к дружке. Тогда и жертвой, если уж так необходимо, станет кто-то иной, из внешнего мира.

Тетка же любит вспоминать прекрасную и стабильно защищенную жизнь во времена Советского Союза. По ее мне-

нию, самым страшным катаклизмом XX века стало именно крушение страны, которая и войну выиграла, и в космос полетела, и была оплотом всего человеческого в противовес жестокосердному капиталистическому миру. Вероника иногда ее подначивает, напоминая о том, что тогда и бога не было, а за религиозное рвение в нынешнем виде тетку бы наверняка ждали неприятности. И это в лучшем случае. Тетка машет на племянницу руками, как черта прогоняет, и потом грустно качает головой. Она давно поняла, что достучаться с божьей истиной до сердца что одной, что другой женщины в этой нерадостной квартире у нее не получится. «Вот ведь и грызутся поэтому, – думает она, – нет света в них, нет света в душе. Атеизм, он все разрушил, а открыть новое знание для себя не умеют... Не хотят».

Матери все равно. Когда-то она лениво поругивала СССР, сидя в курилке своего НИИ, восторгалась французскими духами, если удавалось достать. Когда не стало ни того, ни другого, мать переключила внимание на подростковую дочь и мексиканские сериалы. Круг замкнулся.

Тетка часто говорит и о недавних 90-х, как обманули, как разрушили, как наобещали, как наворовали и бросили. Это любимая тема. Девяностые разломали мир на части. Вероника тут не спорит. Она уже привыкла уносить и выбрасывать потихоньку те слова, которые могли бы, не удержи она их на лету, разрушить вечерний мир. Вероника успела получить что-то пригодное для жизни еще в конце советско-

го времени. Правда, полностью, как она это видит, выросла именно из того калейдоскопа открытий и руин, на которые были щедрны девяностые, эпоха перемен.

Если смотреть с позиций сегодняшней компьютеризации, в девяностых у всех и всего, даже у румынской обуви, сбилась в одночасье программа. По экрану новой жизни поползли сплошные фосфорицирующие пунктиры и иксы. Состояния наживались и рушились, валюта обналичивалась по цене потерь. Казино дразнили неоновой рекламой, превратившей вертолетный Калининский проспект в бродвейский коктейль Нового Арбата. Бульонные кубики «Галлины Бланки» придавали новый вкус привычным, давно набившим оскомину блюдам. «Ножки Буша» медленно уходили в сторону провинциальных радостей. А Москва, притягивающая тогда все мировые страсти в убыстренном ритме, взрывалась ночными «разборками», обростала магазинами-киосками с цветами и пробовала новые вкусы разноцветного алкоголя.

Сложно восстанавливать время или то, что существовало в том времени. Вот CD к примеру. Первый свой компакт-диск Вероника помнит очень хорошо. Француженка Милен Фармер. Она услышала ее голос в подземном переходе. Пошла за ним, как дети за дудочкой гамельнского крысолова. Денег тогда не было совсем. Она выгребала из карманов покрасневшими от холода пальцами смятые бумажки с бессмысленными нулями. Все равно не хватало. Продавец, молодой кавказец, сначала с ухмылкой, а потом с сочувстви-

ем ждал. «Бери уже так, за сколько есть, – сказал с нетерпением и великодушием. – Ты будешь его, Милена, слушать и думать про меня, красавица!»

Он, наверное, и сам был готов о ней думать. А что такого? Человек подневольный. Был бы это его бизнес, не сидел бы в продуваемом ветром переходе с осклизлыми стенами под синюшным светом мигающих ламп. Но Вероника, ошалело благодарная, уже бежала с диском в руках к метро, пытаясь упихнуть квадрат пластика в сумку, как всегда, полную книг.

А до этого дисков не было. Вообще. Позже, вечером, Вероника вспомнила кавказца, улыбнулась. Подумала о нем, слушая Милен Фармер, но недолго. Музыка и та черная птица с обложки уводили ее куда-то далеко, в незнакомую жизнь с иными нотами и чуть приправленную французским флером очарованности и недостижимости.

Девяностые скатывались в неопределенность. Они остались в памяти рваными кусками: то веселыми и бешеными, то полуголодными и темными. Наступал новый век. Он вскакивал на подножку – задорный, молодой. С ним хотелось сбежать. С ним можно было ехать на край света – пока рельсы ложатся.

Город набирал силу, менял кожу. Всюду шли стройки, росли красивые здания, расширялись улицы, укладывались плитки перед офисами, бизнесмены щеголяли Мерседесами, дети шли в школу с яркими ранцами.

* * *

У Вероники теперь есть постоянная работа. Она вдыхает утренний воздух и старается не опаздывать. Вроде все хорошо, все, как у всех. Она подумывает купить себе маленький автомобиль, собирается с Леной в Египет. Если тетка отпустит, конечно. Но пустота в сердце ничем не заполняется. Вероника делает вид, что занята, а она и правда занята, вполне довольна, покупает себе наконец маленькое черное платье и готова к вечеринкам. И каждый раз уходит с них раньше всех. Скучно. Не то. Слишком шумно, слишком официально, слишком панибратски, слишком громко, слишком много незнакомых людей, слишком много взглядов, слишком... чужое.

Ее душа давно скукожилась. И со временем она начинает напоминать сушеную хурму, которую Ника когда-то пробовала в гостях у Веры. Там всегда угощали чем-то интересным – то экзотическими фруктами, то нечитаными стихами Мандельштама. Если прокусить, наверное, шершавую кожуру, душа окажется внутри ностальгически сладкой на вкус и тающей холодком. Но Вероника не позволит ее тревожить.

Она наблюдает, как люди вокруг вдруг потянули руки ко всему, до чего смогли дотянуться. Как будто все подписали договор с дьяволом: вы делаете, что хотите, – мы молчим и тратим деньги. Мы так давно этого хотели. Мы далеки от политики. Вон новый клуб открылся. Джаз? Ретро? «Аквариум» приехал? Жизнь, полная удовольствия. Только под-

носи. Только успевай.

Веронике не с кем обсудить свой «насупленный» характер. «Что со мной не так»? – спрашивает она зеркало. Ответ она знает и из-за этого еле сдерживается, чтобы не расколоть свое недовольное отражение на кучу мелких и острых Вероник. Но мало-помалу она учится улыбаться посторонним людям, входя вслед за веселой Леной на вечеринку, и поддерживать разговор для женщин. Она даже начинает получать удовольствие, оставаясь с каждым разом все дольше среди напыщенных владельцев автозаправок и длинноногих красавиц с отведенным мизинчиком. Не отвечает на ворчание тетушки и почти не замечает язвительных колкостей матери. Да и стабильные деньги меняют многое.

глава 9.

Потерявшийся тромб

Песчаный возраст, зыбучий, пограничный, то жестко-мокрый под ногами, то утекающий, затягивающий. И обратно уже не вернуться, и вперед идти трудно, тормозно. Есть возраст солнечный, когда для счастья достаточно света дня. Его сменяет возраст надежд и свершений. Но если не успел или обронил что-то важное, без чего тебя и нет толком, наступает он, песчаный возраст. Сначала рыжей пылью, сирокко, мелкой крошкой, а потом и не заметишь, как намоло целую французскую дюну Пила.

Магическое число, которое для многих повернулось к будущему упругими ягодицами, у запоздавших еще топорщится округлыми грудками вперед или ложится двойным воротничком на платице а-ля «детский утренник». Тридцать три. 33. И пока Вероника удивляется быстротечности времени и размышляет о «земной жизни, пройденной наполовину», идеальные полукруглые формы распадаются. И понеслись, набирая галопом скорость под материны окрики, разномастные, потерявшие смысл цифры: сбивающая ритм четверка, рваная пятерка, шестерка, полная пессимизма... А вдоль дороги расплываются в туманном нигде лица случайных партнеров, одноразовых, как Тамрах.

Мать говорит, что к Веронике нельзя пробиться через ее

высокомерие, через молчание, скрытность и что-то еще, похоже, эгоизм. Однажды бросила, что дочь выстроила стену похлеще средневековых замков, что ее носит где-то в иных сферах, откуда больно падать. Скажет вот так какую-нибудь гадость – и смотрит с ожиданием, с вызовом, с уже заготовленной обидой. Одиночество в плоской квартире на втором этаже с нежилой нейтральной территорией-гостиной распадается надвое. Тетушка старается, соединяет, умиротворяет, но ей не под силу сделать обитателей квартиры счастливыми.

* * *

А потом матери не стало. Сказали, что тромб. Какой-то осколок в прошлом живой, весело бегущей вверх и вниз по организму крови, приплыл не туда и заблокировал уставший к этому моменту ток. Вероники не было дома. Ее не было ни днем, когда во всю кипела работа над важным рекламным заказом чрезвычайно капризного клиента, ни ночью. Случайный вечер, куда позвала вездесущая Лена, чтобы расслабиться и скинуть, как тесные туфли, напряжение последних недель, синел за городом среди высоких деревьев. Там и заночевали.

Дом оказался большим, только что отстроенным и полупустым, с наваленными матрасами в просторных комнатах, со сделанной на заказ лепниной на потолке и нишами с подсветкой по углам. Между лестницами в лобби, как называл это пространство хозяин, стоял бильярдный стол. Вероника

впервые видела такой дом. Хозяин ей подливал и подливал. Она, уставшая, задремала, откинувшись на большие в восточном стиле подушки. Потом почувствовала, как ее несут, приоткрыла склеивающиеся веки и обвила руками шею того, кто нежно целовал ее в щеку.

Утром проверила телефон, оставленный где-то там, внизу, среди подушек и разбросанных, сероватых в неярком свете тарелок и чашек. Десять, а то и больше пропущенных звонков от тетки.

«Что ей надо? – раздраженно подумала Вероника, собирая свои вещи, а заодно и грязную посуду. – Небось мать снова что-то хочет или дурит по своему обыкновению. Вынь да положи ей какую-нибудь раннюю клубнику, или вишневый сок, или соленый миндаль. Давно ли бананам была рада...»

Главное, что ее занимало в этот утренний час в безлюдно-сонном доме, – как ей себя вести. Веронике необходимо было понять, положила ли минувшая ночь начало серьезным отношениям с хозяином или стала очередной минутной остановкой, как туалет на автотрассе, на его пути в совершенно иную сторону.

* * *

Когда все было закончено, похоронный агент рассказал, где можно будет получить урну с прахом.

Вероника сидела на поминках в стороне, давая возможность тетушке и набежавшим откуда-то малознакомым лю-

дям все готовить и убирать. Они дружно расставляли посуду, собирали посуду, мыли посуду, роняли посуду. Сначала делали все молча и траурно, а потом, забывшись, начали галдеть, с радостью обсуждая общих знакомых и их детей с давно не виденными троюродными и вообще не понятно какими сестрами. Ее никто не трогал. Лишь тетка Полина гладила и гладила ее руку, пытаясь ей дать тепло, поддержку в неожиданном горе.

Горя Вероника не испытывает. Она вообще ничего не чувствует. Только иногда, выныривая из мутной прозрачности этого странного дня, схватывает судорожно воздух, вздрагивает, оглядывается и ждет едких слов матери в свой адрес. Их, как ни странно, нет.

Она выходит на балкон. Вечереет. Ворона, обхватившая скрюченными когтями перила, отодвигается и с опаской смотрит на Веронику. Улетать она вроде бы и не собирается, но ее готовность к опасности дрожит на конце каждого перышка – молниеносная, взбитая, генетически выверенная вороньими предками. Это ж целая наука – жить рядом с людьми. От людей ведь не только еда, от них можно ждать чего угодно.

Вероника пододвигает птице крошки. Та недоверчиво косится на нее круглым черным глазом, но расстояние кажется слишком рискованным. «Ну не хочешь – как хочешь», – думает Вероника и тут уже забывает о вороне.

Она смотрит на улицу, на окна напротив, которые откры-

ваются со скрипом, поздно просыпаясь после зимнего застоя. Город дышит по-весеннему, поскрипывая, будто разминает затекшие суставы. Воздух в голубой свежести подрагивает, как та ворона, которой хватает-таки смелости ухватить кусочек хлеба и быстро ретироваться. Потом то справа, то слева проносятся мимо Вероники и вороны разные запахи. Вон там жарят картошку, а там – то ли курицу, то ли индейку запекают в духовке, а тут вон что-то подгорает... Удивляется тому, о чем она сейчас думает, оставляя грустно прощающихся родственников за спиной. Матери больше нет, а она про подгоревшую еду в окне напротив...

Запахи все равно мешают. Они рассказывают о жизни большого, опутанного проводами и магистралями мегаполиса, о вечерних кухнях, куда, незло поругивая забывчивость хозяйки и жесткость оставленного без присмотра мяса, стекается семья.

За пару дней до смерти мать вдруг спросила: «Вера, а почему ты со мной не разговариваешь? Мне же одиноко, как ты не понимаешь? Нам когда-то сказали, что нужно иметь детей. А любить не научили. У кого-то получилось, у кого-то нет...»

Вероника хотела было уточнить, а кто, собственно, должен был учить любить? Все привыкли обвинять войну, коммуналки, родителей... При равных исходных данных один вырастает сволочью, а другой не может написать донос даже при угрозе жизни... Или все-таки нет никаких равных

данных? Нет вечно сияющего нуля, от которого отсчет? Она молчала, даже не отреагировав на «Веру», чтобы в кои веки просто выслушать. Голос матери ей казался щелкающим пустотой кошельком адептов XX века. Почти каменного века. Что уж сейчас вспоминать? Это как водрузить на площади памятник Сталину! Такого просто быть не может. Поезд прошлого давно ушел, и рельсы разобрали.

– А что цепляюсь к тебе или дергаю, так это от старости, от того, что будущего больше не существует. Ты представляешь себе жизнь, в которой нет будущего? – Мать посмотрела в сторону, моргнула, потом еще пару раз, но предательская влага все же выползла и утонула в морщинках. – Старость, знаешь ли, делает мир все меньше и меньше, плющит его, а под конец зажимает между стенами своей комнаты и близкими. А близкие... Их-то как раз и нет. Каждый на своей волне, на своем клочке времени, как на лестничных площадках разных этажей. Вот ты есть у меня, казалось бы, живем вместе. Ты ходишь рядом, говоришь по телефону, приносишь продукты. Вчера вон обсуждали, когда сможем купить новый холодильник... Но нет, на самом деле тебя нет. Ведь раньше было все иначе... Помнишь свою юность? Как ты всегда приводила домой друзей? И не стеснялась. А теперь... Никто у нас не бывает. И где друзья? Все друзья исчезли – и твои, и мои.

Мать забирала, утягивала, как мышшь в норку, запасы ее жизни. Вероника видела, что позволяет ей это делать. И ненавидела себя. И не прощала мать. Все кругом у них, у пожилых, в долгу. Прожитые ими годы тяжестью обрушиваются на других, на тех, кто оказался рядом. Из-под этих чужих завалов выбираются лишь самые сильные.

А старикам так хочется еще ощутить тот давнишний вкус желаний! Ведь эти, пропитанные нынче насквозь скукой и бессилием, и не желания вовсе. Жизнь расплзается под руками, и ее не собрать. Так и хочется хоть немного переложить кислоту дней с уже заметным за зеркалом концом на этих молодых вертихвосток, виновных лишь в том, что пока еще не видят темной пустоты по ту сторону.

Вот и мать так же... Ее дни понемногу сворачивались поначалу в ковер, который иногда еще выносили на снежок или пылесосили. Потом они сжимались, уседали, пока не превратились в севшую на пару размеров кофту. Такую теперь можно только убрать подальше, на верхнюю полку – вроде и не наденешь, но и выбросить жалко. И под конец эта жизнь, или то, что от нее осталось, стаптывалась мятой бумажкой от давно съеденной конфеты. Она валялась в комнате с затхлым воздухом, обидами на дочь и ненавистными, навязчивыми окнами.

Вероника вдруг с болью понимает, что мать за последние несколько лет ни разу не вышла на улицу, на лестничную площадку. Даже не постучалась к соседям, за солью там или

просто поболтать. Только после смерти ее тело, а потом и душа оставляют и дом с блочными стенами, и железную дорогу, лежащую внизу и подтекающую стальным рельсом, как ручьем, и город, который не заметил ее ухода.

* * *

Темная и тихая квартира растянулась от одной стены до противоположной. Из нее, каждый в свою очередь, в течение десятилетий выбывали люди. Сколько их тут было? Кто здесь жил раньше? Никто уже не скажет...

Вероника остается одна. Да, наезжает и даже живет по несколько дней тетушка. Вероника ей тихо и благодарно рада, что не мешает так же радоваться и ее отъезду.

А потом приходит тоска. Отмахнуться, сделать вид, что это неважно, и пойти дальше становится все невозможнее. Тоска заглядывает в лицо Вероники по утрам, стоит за спиной, мешает выбирать яркую одежду, оттягивает вниз сумку вечером по дороге домой...

Веронике хотелось бы спрятаться в рутине дней, застрять рыбой в штопаном неводе, рисинкой в дуршлагае. Она ставит себе самые простые цели: чтобы кофе не убежал, чтобы джинсы оказались без пятен, чтобы успеть на троллейбус. Как будто что-то большое, цельное, устойчивое, как старое пианино, вдруг рассыпалось на дощечки, клавиши, звуки. Возвращаясь с работы или после редких, случайных свиданий, она первым делом всюду зажигает свет. Так кварти-

ра оживает, теплеет, разные пещерные темные образы исчезают, а гундеж телевизора создает на короткое время, пусть даже только на этот вечер, жилой уют.

Жизнь, совершив небольшой поворот, пошла себе дальше, не продавливая еще душу вмятинами возраста. Вероника бредет по ней с тяжестью на сердце и с ворохом материнских вещей, разбор которых она каждый раз оставляет на потом.

глава 10.

Ад

Ад у каждого свой, персональный. Как собственная зубная щетка. Он есть и у тех, кого объединяет то, что называется семьей. Ад случается, как погодное явление. И как гроза или вьюга, он может помаячить где-то вдали, испугать, дохнуть страшным, но пройти стороной. А то еще способен разрастись, потерять форму и стать коллективным, с врагами вокруг, по периметру адских, невидных глазу границ. Ад – это ты сам. Не другие. Решение как ключ, выбор как дверь. Или тот камень, на котором сидит вездесущий ворон: «пойдешь направо – коня потеряешь...»

Ты и не заметишь, как окажешься внутри. Под ногами – круги, нарисованные дантовской яркой картиной, крутой спуск все ниже и ниже, грешники, делящиеся впечатлениями в подсунутый под нос микрофон и получившие на благодные секунды освобождение от мук... Вокруг антуражно, рельефно – летучие мыши с человеческими лицами, слоны на паучьих ножках, капричос и сюрреализм... А ты, живой и теплый, втягиваешь голову в плечи, стараясь просто прожить этот день.

Вероника так размышляет, оставшись одна. Она рада, что у нее есть работа, которая захватывает все ее мысли с утра до вечера и соединяет дни в рекламные проекты. Правда,

еще есть выходные. И Вероника берет дополнительно переводы. Читает о своей любимой Франции, доставшейся ей в наследство от матери. О поездках за границу пока можно только мечтать. Да она и не умеет путешествовать. Почти ничего не готовит – еду, вкус которой случаен и быстро забывается, можно купить, заказать, разогреть. Кухня становится привокзальным буфетом, куда Вероника забегает, только чтобы выпить кофе.

Вероника ищет в себе чувства, какие должны мешать, царапать или будить воспоминания, но ничего не находит. И дома появляется как можно реже. Он стал ничейным. Клубок женщин, завязанный то ли любовью с ядом, то ли ядом от любви, распался. Из дома ушла жизнь.

* * *

Лена время от времени ее куда-то приглашает. Она, как раньше, рисует перспективные знакомства и удивляется тому, что подруга все чаще и чаще отказывается. Она даже пытается поговорить с Вероникой, посочувствовать, приободрить. Лене ее искренне жаль. Она приносит Веронике любовные романы, зовет к гадалке, которая видит будущее по кофейной гуще.

Вероника к гадалке не хочет. Ей кажется, что гадалка при всем желании ничего не увидит в ее душевной темноте. Она сама не знает, чего ей сейчас хочется. Они идут в бар рядом с офисом. Заказывают по коктейлю. Вероника немного рас-

слабляется и всерьез начинает объяснять подруге то, что носит в себе: про рай и ад, про выбор и вину, про то, что ничего не вернуть.

Лена смотрит на подругу округлившимися глазами. «Да, – думает она, – это похлеще фараонов... Может, помочь ей найти этого, ну, хорошего психолога»? У Лены за время освоения московских тусовок накопилась объемная контактная база, правильная и качественная. Она может поделиться, ей не жалко. Вероника – человек нужный, но вот занесло же ее в какие-то дебри... Психиатрия, не иначе, случилась там у нее со смертью матери... Лена между тем улавливает слово «ад», которое в ней отзывается стандартным набором символов. Героически решая выдержать общение до конца, она спрашивает, стараясь придать голосу теплоту и спокойствие: «Никочка, ну что ты так типа печально на все смотришь? Есть же и этот, рай! Позитив! Жизнь – она такая, ну, переменчивая... Расскажи, каким ты видишь его, рай?»

Рай? Вероника бормочет что-то формальное, старается попроще, про любовь там или счастье. Она понимает, что увлеклась и что не стоит испытывать их отношения на интеллектуальную прочность. Они уже сложились, какие есть – коллегиально-девчачьи, невзрослые, потому что Лена из другого, простого, мира. Вероника натужно улыбается, пытаясь скрыть смущение. Потом предлагает выпить кофе и попросить счет.

Из райских образов Вероника всегда представляла се-

бе только Адама и Еву, без всяких там волшебных деревьев и заоблачного царства бессмысленного счастья. Давно, в юности, это были кранахские вытянутые полуплоские фигуры аскетичных первых людей с целомудренными листиками там, где требуется. Со временем образ придурковатой идиллии и покорности разрушился. Он стал миниатюрой в старинной книге, он покрылся кракелюрами, он раскололся, как хрупкая чашка. Жалко, но что ж поделать... Здесь больше не осталось человеческого тепла. В общем-то сами виноваты, сделали ребята свой выбор в сторону познания и независимости.

И рай остается за суровыми горами, как на картине Гелия Коржева. Люди, лишившиеся рая. Адам, истощенный долгой и трудной дорогой по пустыне, держит на руках Еву – обрюзгшую, изможденную, но единственную. Она прижимается к нему, и столько тоски и отчаяния в ее фигуре! Пытаюсь представить себе лицо Евы, спрятанное на груди Адама, Вероника видит свое. И ей очень хочется ощутить на своем теле сильные руки, которые пронесут ее через все горные перевалы. Неважно, что рая нет и не будет. Жить надо с тем, что есть.

глава 11.

Мадам Луиза

Мадам Луиза оказалась женщиной возрастно телесной, но подтянутой, деловой, упругой. Она смотрит прямо в глаза, внимательно и мягко, и буквально сразу располагает к себе. Она устремляется к собеседнику с ослепительной доброжелательностью, которая говорит, нет, кричит о том, что сейчас, в эту самую минуту, наступает тот самый момент, ради которого и жила на свете мадам Луиза. Ее стильная стрижка с легкой проседью напоминает о французских журналах моды материнской молодости, в которых каждый возраст находит себе место. Что-то в ней есть от Катрин Денев – мягкая округлость и форм, и взгляда. Ее одежда с правильно, в тон и в цвет подобранными аксессуарами, доставляет удовольствие. При этом все существо Луизы, кажется, смущается и пожимает скромно плечами: да какие там наряды, да что вы, все самое обычное...

Она входит в тесную прихожую и сразу начинает восторгаться.

– Oh-là-là, ma chérie! C'est formidable! C'est un vrai appartement moscovite! Quelle chance pour moi! Quel bonheur d'avoir trouvé ce petit joli abri!

Почему ее квартира кажется мадам настоящей «квартирой москвича» и «маленьким симпатичным убежищем», Ве-

роника не очень понимает. К «счастливому шансу» мадам пожить не в гостинице, а в «настоящей среде» она относится хорошо, хотя и с удивлением. Терпеливо дает возможность гостю высказывать свои эмоции. Веронике они не свойственны. Вера даже когда-то в шутку назвала подругу деревянным солдатом Урфина Джюса... Она снова вспоминает о Вере. И так всегда...

Вероника прикладывает усилия, чтобы реагировать так, как принято. Ведь если живешь среди людей, да еще соглашаешься на прием некаждодневных, особенных гостей, надо быть готовой ко всему – в первую очередь, чтобы тебя правильно поняли по разным международным эмоциональным кодам. Вроде так сегодня пишут психологи? Поэтому она сейчас стоит, улыбается взлетающим с легкостью шампанских пузырей похвалам мадам Луизы и всячески показывает, как ей это приятно. Ну там еще вешалку держит для пальто мадам, а новые тапочки с вечера стоят в ожидании...

Ей самой квартира кажется далеко не миленькой, а более чем скромной и даже, если честно, бедненькой, местами обшарпанненькой... Да она такое комплиментное начало всерьез и не воспринимает – разными малахольными «ахами» тут страдает только тетушка, падкая на мармеладный чаек с кухонными секретными вприкуску.

Веронике Луизино восхищение кажется наигранным, но что поделать? Она его принимает, как незначительные сувениры от малознакомых людей, например, шоколад

от клиентов за быстро сделанный перевод. Не сильно нужно, но чтобы не обидеть. «Было б чем восторгаться, – устало думает Вероника. – Это она в настоящих московских квартирах не была – с анфиладой комнат, заставленных стеллажами с раритетными книгами, с высокими потолками, лепниной и историческими видами из окон». В таких квартирах раньше устраивали домашние концерты – знаменитых в узких кругах поэтов и заезжих, когда-то покинувших сумрачную родину, музыкантов. Вероника знает, что живи она в такой квартире, полученной в комплекте с каким-нибудь дедушкой-профессором, ее любовь к Москве была бы в сто, а может, и в тысячу раз сильнее...

Так что веры восторгам мадам Луизы мало. Впрочем, она оценила с благодарностью желание французской гостьи сделать хозяйке приятное. В большой комнате, куда Вероника ее почти силой наконец заставляет пройти, мадам осматривается, на минуту задумывается, как будто что-то подсчитывает в уме. Потом кивает то ли Веронике, то ли самой себе. Вероника водит рукой, показывая неказистое убранство. Она кратко комментирует обстановку и – увы – довольно давно поклеенные обои, потолки, извините, с подтеками.

Дама снова кивает, качает головой, будто ведет диалог со своими мыслями, что-то им доказывая и прислушиваясь к ответам. Вероника терпеливо ждет, пытась определить возраст гостьи. Француженка, нисколько не смущаясь возникшей паузой, обводит снова комнату взглядом. Потом мадам,

будто щелкнув выключателем, с новой силой насыщает пространство комплиментами. «C'est formidable»! – она снова отмечает уют московских квартир, их особую атмосферу. Разглядывает корешки подписных собраний сочинений разных цветов, удивляется:

– Какое огромное – énorme – количество книг! Ты их читаешь? Вот во французских домах такого нет, если ты не ученый или не университетский светила!

– Можно пойти в библиотеку, – добавляет она. – Зачем держать при себе столько книг? И места занимает много, и средств сколько потрачено... Дома нужно оставить только то, чем пользуешься постоянно. Ну или то, куда вкладываешь деньги с прицелом на будущее – антиквариат, к примеру. Он всегда растет в цене и создает дома особый колорит, l'ambiance, n'est-ce-pas? Не так ли? Старые вещи, семейный винтаж... Квартира с характером.

Вероника не знает, что сказать на тему антиквариата. Единственной вещью, готовой сыграть эту роль, она видит громоздкое черное пианино с витыми столбиками по бокам и золотой потертой фамилией, сложночитаемой, но понятное дело – немецкой и старой. Впрочем, на нем так давно не играли и его так давно не настраивали, что настоящую, в денежном эквиваленте, пользу раритетный инструмент с желтоватыми клавишами мог бы принести только при должном уходе и необходимом вложении тех самых средств.

* * *

Это был случай. Да, именно случай, который рулит оглоблей ничего не подозревающей хмурой судьбы куда-то в сторону. Это он по какой-то причине или совсем без причин, а так, для развлечения, подбрасывает монетку и заставляет выбрать тот особенный поворот, не всегда видимый среди городских огней. Вот такой случай свел Веронику с мадам Луизой.

Когда как-то в пустоте вечера зазвонил телефон, Вероника, уставшая от родственных непрекращающихся выражений соболезнований и бессмысленных «ну ты звони, если что», не хотела даже брать трубку. Так и сидела на кухне, оступевшая, размышляющая уже в который раз о том, как бы перейти в большую комнату, не заглядывая при этом по пути в ту темную, которая только недавно была материной... Телефон звонил и звонил, разрывая воздух квартиры, ставшей неожиданно тесной. Она удивлялась тому, как мало оказалось здесь места для нее, только для нее, без вещей и памяти, без эха то требовательного, то капризного голоса, без слоняющихся без дела теней.

«Ремонт, что ли, затеять?» – подумала Вероника и обрадовалась. Точно! Она будет ездить за обоями, выбирать краску и плитку для ванной, сорвет с кухонных стен и выбросит ненавистную клеенку в красных и бежевых квадратах... А главное – она выметет все, в чем сейчас завязла и откуда никак не может выбраться.

Телефон в последний раз обиженно коротко звякнул и стих. Но не прошло и минуты, как заиграл мелодию мобильный. «Надо же, – удивилась Вероника, – скорее всего, это не родственники пытаются меня заловить! Их старперская когорта не звонит на мобильный, да и вообще вряд ли им пользуется...»

– Привет, красавица! Как дела? Пропала с концами! – мелодичный голос был свежим и близким. – Работу хорошую нашла? Давно? Да ты что? Как удачно-то! Поэтому и исчезла с радаров?

Ирина, совладелица бюро переводов, нет-нет да подбрасывала Веронике заказы. Только это было давно. С тех пор как неномированный рабочий день в рекламном агентстве сделался почти всей Вероникиной жизнью, на серьезные переводы для Ирины времени не оставалось.

– Точно! И правда пропала! Как хорошо, что ты обо мне вспомнила!

Веронику действительно очень обрадовал звонок. Ирина была тем человеком, с которым замечательно проводить время, но по кому не будешь скучать, расставшись у какой-нибудь заснеженной станции метро. Сейчас ее воздушный, бодр-живой привет из прошлого пришелся как нельзя кстати.

Поболтали. Обсудили общих знакомых, проверили, все ли новости правильно и вовремя доходят. Оказалось, что нет. Ирина была не в курсе последних событий в жизни Вероники, поэтому ей стало немного неуютно. Что сказать,

кроме общепринятых выражений соболезнаваний? Помолчали. Вероника решила, что надо как-то наладить тормознувший разговор. Задала пару вопросов про жизнь и бизнес. Ирина благодарно расслабилась и решила помогать не словами, а делами. Она спросила, не возьмет ли подруга пару переводов, коротких и за «очень достойную плату». Посетовала на то, что с французским языком толковых специалистов почти не осталось. «Москва кипит, столько всего строится и открывается, все кругом вертится, блестит и притягивает деньги, а ты куксишься?» – удивилась Ирина. Вероника не стала объяснять, как в одночасье оказалась посреди человеческой пустыни, пусть и растущей ввысь стеклянными небоскребами, оглушающей развеселыми тусовками, где она не видит своего места.

– Да, кстати! – весело, вспомнив что-то важное, воскликнула Ирина. – У тебя квартира большая? Три комнаты? Ух ты! Вот удача-то! И ты там одна обитаешь? Тетушка не в счет! Приехала – уехала. Жиличку случайно не возьмешь? Ну не то чтобы жиличку, а на время, на пару недель даму в возрасте принять, туристку из Франции? Она, надо сказать, компанейская мадам, не из бедных, даже по-русски немного лопочет!

– А почему она в гостинице не может? Не хочет? – удивилась Вероника.

Предложение ей показалось интересным, но вот так, с кондачка, впустить в дом незнакомого человека звучит как-

то неожиданно... Страшновато. Даже если мадам окажется, как обещала Ирина, приятной и непритязательной, все равно Вероника подписывается под кучей обязательств: ухаживать, придумывать культур-мультиур-программу, готовить ужины... И самое главное – придется разговаривать, вести застольные непринужденные беседы. Есть ли у нее на это силы?

– Соглашайся! Деньги очень неплохие! Лишние тебе? А может, и в гости потом к ней съездишь! Она, кстати, из Лиона. Буржуазный город! Красивый! Я была там как-то проездом... На настоящем французском поболтаешь! И компания тебе сейчас точно не помешает! Знаю я тебя – небось закрылась в себе, как устрица. Кстати, устрицы в Лионе... отменные! Под «Шардоне»!

Ирина прицокнула языком для большей убедительности и мечтательно вздохнула. Она уговаривала, вытаскивала на свет разные достоинства неизвестной дамы, рисовала выгоды от знакомства. И Вероника согласилась. Правда, сделать ремонт до приезда француженки точно не получится. А вот разобрать материны вещи и, может быть, хоть чуть-чуть привести в порядок квартиру с засохшим временем на стенах она успеет. И то дело.

Сомнения, конечно, потоптались еще вокруг, пошамкали, особенно когда Вероника ночью накрылась одеялом с головой, но отошли. Они послушно уступили место новому дню, в который Вероника впрыгнула с первой за это время

несмелой улыбкой и радостью при виде голубого неба за окном. Теперь надо было поторопиться. И она вместе с верной Полиной приступила к «чистилищу», как умудрилась пошутить, подмигнув тетушке, смиренной даже в возмущении.

Негромко ворча себе под нос, тетка раскладывала стопками все то, что когда-то доставляло радость, через какое-то время надоедало, а потом просто оседало пластами прожитых дней. Вещи пахли чужой историей. Вероника была рада, что не пришлось ими заниматься. Потом вещи исчезли. Тетка поначалу пыталась с ней заговаривать, призывала посмотреть, трясла перед ее носом то «хорошей кофтой», то «почти новой юбкой». В конце концов оставила Веронику в покое и сказала:

– Что ж, ладно, отнесу тогда в нашу церковь... Что матери, покойнице, все легко доставалось, все готова была раздать, что тебе... Ничего тебе не жалко, ничего не хочешь хотя бы на память...

Вероника не была уверена в том, что мать так уж просто все раздавала, но промолчала. Она знала, что ничего оставлять не хочет. Вообще смотреть в сторону материнского шкафа не хочет. Пусть Полина забирает, раздает, продает, выбрасывает – ей было все равно, лишь бы побыстрее освободиться. И тетка уносила сумками и баулами все, что составляло когда-то желания, милые сердцу дни прошлого и неровно растянутую во времени, но безвозвратно конечную жизнь. Когда комната немного посветлела и даже, как

показалось Веронике, расширилась под теткино беззлобное ворчание, стало легче. Пусто, да, но легче.

глава 12.

Две женщины

Вероника бросается в отношения с мадам Луизой, как в детстве ныряла жарким летом в прохладную реку. Нет, ныряла не сразу, а немного помедлив, осторожно потрогав воду. Но если уж подошла к краю, то вперед! Она выходит из тени и смело заглядывает в зеркало. Оттуда на Веронику смотрит молодая привлекательная женщина. Темные круги под глазами светлеют, а напряженная линия рта понемногу расправляется. За спиной – старый ковер, полки с книгами, косой луч солнца из окна...

«Хорошо бы постричься, – думает Вероника. – Обросла. Потом, потом... Сегодня у нас запланирован Пушкинский музей. Завтра – Коломенское... А еще надо бы перевод закончить... В понедельник снова на работу, и тогда уже времени точно не будет».

Она рассказывает Луизе о матери. Чувствует, как с ее помощью перешагивает через лужу безрадостности, вины и... облегчения. Нет, в последнем она бы никогда не призналась. Мадам Луиза слушает внимательно, не перебивает, но умело, мягко поддерживает беседу.

Луизе рассказывать легко и благодарно. Вероника посвящает француженку в истории диких девяностых, в то, как менялась жизнь в Москве, как ее подруги уходили в про-

шное, как возвращались из него с другими чемоданами, не с теми, которые уносили когда-то с собой. Как иные не возвращались больше никогда. Как старела мать, как она, Вероника, подвела ее с замужеством. Как мать требовала закрыть окна. Как не хотела пользоваться микроволновкой. Как Вероника, получив «вольную» от верной тетушки, нашла наконец хорошую работу. Как неуютно чувствует себя среди тех нуворишей, от которых без ума случайная подруга Лена...

Луизе интересно все-все без исключения. И Вероника чувствует, как оттаивает ее душа. Ее слушают, ее пытаются понять, ее действия и решения получают одобрение. Иногда ей становится немного обидно и жалко, что мать была не такой... Женщины сближаются. Вероника впервые впускает в свою жизнь кого-то нового, еще пару дней назад незнакомого, иностранного. Она удивляется самой себе. И ее охватывает детская радость разноцветным конфетти. Это знак перемен.

– Так почему ты не сняла себе отдельную квартиру?

Мадам Луиза задает вопрос. Вероника ей только что рассказывала, как мать изводила ее своими капризами, как наносила мелкие, но болезненные удары в самое сердце. Она увлекается и ловит себя на том, что уже, подбирая французские слова поточнее, впускает туда, куда сама боялась заглянуть лишний раз, и посвящает гостью в свое одиночество. Ну и ладно. Иногда ей нравится просто говорить на француз-

ском, слушать звучание своего голоса, который ей кажется увереннее, чем на русском. Да и мысли получаются на языке Вольтера умнее и значительнее. Она плетет кружева красивостей из любимых книг, да так, что у мадам брови удивленно ползут вверх. Как-то вечером она почти шепотом, чтобы не обидеть, намекает Веронике, что на таком французском не стоит, не то чтобы это неправильно или старомодно, но... Бодлера и Мопассана она, конечно, читала, но чтобы цитатами... В общем, проще надо быть... И собеседника уважать...

Луизин вопрос звучит вполне логично:

– Почему ты не стала жить отдельно от матери? Когда вышла замуж, да и потом, оставшись одна? Может, и замужество бы твое не рухнуло... Да точно, наверняка продержалось бы подольше!

Мадам откидывается на спинку кресла и изучающе смотрит на Веронику. Потом наклоняется к низкому столику, за которым они сидят, и ставит чашку с кофе на восторженное блюдо. Луиза очень внимательно относится к предметам, не то что Вероника. Ее взвешенное, не показное удивление выглядит абсолютно искренним.

– Почему бы тебе было не снять себе студию? Или если студий тут у вас нет, то маленькую квартиру? Если ты работала, то деньги, наверное, не были проблемой? Да и, как я посмотрю, тут у вас все проще, чем во Франции! Ни тебе контрактов, ни тебе налогов... Почему же не защитить себя и свое сердце? А маму бы ты навещала.

– Да с ней потом почти все время оставалась тетушка... А я... Я не думала об этом ни когда была замужем, ни после...

Правда, почему она не сняла квартиру? Ей такая мысль даже не приходила в голову. Вот ведь мадам какая хитрая, со своими западными привычками! Они, наверное, и родителей своих легко вот так бросают, сдают в дома престарелых. А у нас так не принято! Вероника максимально мягко объясняет это француженке.

– А страдать принято? А не иметь личной жизни принято? А разрушать браки принято? А сидеть по разным углам и не разговаривать, специально делать больно друг другу и обижаться принято?

Вероника думает, что произошло бы, если бы она взяла вот так и вправду разъехалась с матерью. Разъехалась хотя бы на короткое время, когда мать была еще в силе и памяти... Если бы, даже не спрашивая разрешения и предвидя всплеск угроз, просто сказала: «Мама, я рядом, я тут, когда нужно, но мне требуется свое личное тихое пространство. Развод прошелся тяжелой поступью и по мне, и по тебе. Так что давай ты мне позволишь пожить так, как мне хочется. Я и без того с твоей легкой руки совершила то, что... что совершила».

Ладно, не будем про это. Характер грузный, говоришь? Говорила... Характер мог быть и потверже, если с грузом-то... Ан нет, прогнулся, пошел кругами, уступил, заце-

пился за крючок чужого счастья. А может, и не было бы у ее бывшего мужа с Верой ничего стоящего... Может быть... Но у нее самой точно ничего не сложилось, не могло сложиться. Она сейчас это прекрасно понимает. Поздно только: брак развалился, подруги больше нет, мать впала в апокалиптический транс...

Веронике было тогда непонятно, почему ей должно быть стыдно перед матерью за то, что разрушила свою, как говорится, семейную ячейку. Жизнь-то все же ее, пусть даже мать и считала развод настоящей катастрофой – такой же, каким для тетки стало крушение Советского Союза. «Да уж, не оправдала я твоих ожиданий, мама. Прости. Я и своих не оправдала».

– Я не знаю, почему не сняла...

Веронике становится грустно, щемяще больно. Главное – ничего уже не вернуть, не исправить. Пишутся наши дела без черновика.

– Моя дорогая, – Луиза смотрит в наполняющиеся влагой глаза своей молодой подруги, – пожалуйста, не расстраивайся так. Ты не одна. И как бы ты ни страдала, вина там, грусть, – прошлого не вернешь. Твоя мама тебя вырастила, вон, посмотри – ты и хорошо, достойно работаешь, и языками иностранными владеешь! Есть за что ее благодарить. Ну а к старости мы все становимся немножко эгоистами. Не вспоминай плохого.

«Вот ведь, – размышляет Вероника, – знаю ее без году

неделя, а она ведь может найти правильные слова, расставить все по полочкам, разложить по ящичкам, посыпать сладкой пудрой. И при том что человек издалека, из другой страны, из иной реальности. С матерью-то была сплошная война...»

И жалость к себе, смешиваясь с благодарностью к Луизе, наполняет Веронику. Они обнимаются. Луиза гладит Веронику по голове, как маленькую девочку.

– Я всегда мечтала иметь дочку, – шепчет ей женщина на ухо, – но не получилось. Я сразу увидела в тебе, *ma chérie*, моя дорогая, родственную душу... Мой отец всегда говорил, что русские люди особенные, что только в России я смогу по-настоящему почувствовать человечность, отзывчивость и найти доброе сердце.

глава 13.

Свежесть ветра

Голос Луизы приносит свежесть ветра, впускает законный шум и что-то от поздно просыпающейся мансарды под крышей богемного Парижа. Мадам тормозит Веронику, задает вопросы и много смеется. Веронике иногда кажется это все чересчур: слишком громко, слишком весело, слишком театрально. Напоминает репетицию спектакля. Она готова услышать, что вот тут, в этом последнем монологе, не очень хорошо получилась важная пауза, а поэтому надо бы сыграть эту сцену заново. Паузы в эти дни и правда плохо получаются.

Нет, так нельзя: она опять выискивает блох... Теперь французских блох. Ну и ладно, пусть будет репетиция! Вероника принимает Луизу такой, какая она есть, и подыгрывает ей. Она отвечает на многочисленные распросы, с удовольствием готовит ужины. Через пару дней она уже торопится домой, выглядывая издалека мягко освещенные окна, и улыбается, обнаружив мадам с русско-французским словарем. «Véronique, – Луиза вскакивает и целует Веронику, – меня сегодня в очереди в музей спросили, откуда я! Сказали, что у меня прекрасный русский язык! Давай побольше говорить по-русски, чтобы у меня был... *Plus pratique!* Практика!»!

Женщины насыщают пространство вокруг себя красивы-

ми словами, смехом, шелестом легких шарфиков, запахом пудры и кофе. Квартира преобразается. Она наполняется жизнью, новизной и светло-голубой подхрустывающей надеждой. Вероника понимает, что пора, да просто необходимо здесь многое изменить. Может быть, снести стену между комнатами? Может быть, избавиться хотя бы от старой мебели в материнской спальне? А вещи... Их еще везде так много... Они кажутся Веронике почти живыми, но осиротевшими. Вещи, которые помнят, как их любили и берегли, жалобно ждут ласки и внимания. Они затягивают Веронику в мир теней и прошлого. Выбросить! Вымести этот хлам вместе с материнской язвительностью, окликаками «Верка», обидами и старостью! Содрать, как старые обои, чувство вины и отмыть угрюмый запах одиночества!

Она делится с Луизой своими планами, спрашивает, не покрасить ли ей волосы в рыжий цвет, и проводит вместе с мадам ревизию своего небогатого гардероба.

– Вот ты приедешь во Францию, – как о решенном вопросе говорит Луиза, – и мы с тобой оторвемся по полной программе! Ты любишь мидии? А знаешь, что такое quenelles, кенели? Мы всегда ходим с Жан-Пьером в один замечательный маленький ресторанчик в Старом городе...

«Они ходят вместе с сыном в рестораны, – отмечает с завистью Вероника, которая уже достаточно слышала о Жан-Пьере. – Какие у них удивительные отношения»!

Она никогда не бывала с матерью в ресторане. Ей даже

в голову такое не приходило. Да и тетушка называла это блажью, швырянием денег на ветер. «Еще и непонятно, что они туда кладут, какую тухлятину! Побрызгают каким-нибудь уксусом – и все шито-крыто, ешьте, травитесь!» – говорила она.

Вероника с жадностью поглощает информацию о лионских ресторанах и магазинах, как будто летит туда уже завтра.

Они беседуют с Луизой долго и обо всем. Смешивая русские и французские слова, женщины то сливаются в захватывающем порыве узнавания, то разбегаются, как волны, каждая в своей особенности. Мадам напоминает Веронике мать, но не ту, последнюю, которая оставила у нее в сердце закрытые окна и душевные обиды. Луиза походит на мать давнишнюю, веселую, компанейскую, хотя уже тогда едкую к дочери, ту мать, которая ушла в небытие задолго до собственной смерти...

Воспоминания больше не приносят той боли, которая жила в ее долгом молчании. Она стирается, вытекает словами. Вероника впускает в сердце свет, как утреннее солнце в комнату.

– Ты любишь шпинат? Ты читала Макиавелли? Ты веришь в бога?

Луиза продолжает задавать нескончаемые вопросы. И Вероника тут же спешит ответить, но запутывается и попадает в западню нескончаемых объяснений, как в паутину. Потом

сама себя поправляет, уточняет то, что только что сказала: нет, не так, лучше вот так, нет, тоже не то, точнее вот это, но нет, нет, наверное, сложно...

Про шпинат понятно, не любит, нет у нее привычки к этой зеленой массе. Трактаты Макиавелли она готова обсудить, если что, но хорошо бы перед этим освежить в памяти. А вот остальное... Утром, например, Вероника бы совершенно однозначно ответила, что никакой религии в ее жизни не существует. Насчет атеизма она, впрочем, тоже не уверена, но веры во что-то эфемерное, нарисованное коллективным земным разумом, точно нет. Она так и сообщает Луизе. На словах «во имя контроля» мадам поеживается, а на слове «власть» она медленно кивает. Слово «разум» чуть сводит к переносице ее красиво очерченные темно-русые брови. Вероника откровенна и даже немного многословна. Она спешит и говорит с жадностью человека, которому долгое время не давали честно рассказать то, что ему важно.

Но наступает вечер. И когда часы подводят пусть маленькую, но глубокую черту под прожитым днем, черту-однодневку, она бы ответила иначе. С приходом сумерек все вокруг начинает дышать насыщенным раствором: и мысли, и время, подтекающее, как кран на кухне, и вера, которой при солнечном свете не было совсем, а тут вот раз – и даже не знаешь. Остаток дня в квартире загустевает, как забытый на плите суп с лапшой. Вот так и Вероникина вера по вечерам плавает в супе ее мыслей сверху кругами желтого жира.

Вероника подбирает ускользящие слова. Путаясь в них, она не сразу понимает, что Луиза как раз совсем не ждет от нее глубины. Бросаешь камень в воду – считай круги... Утренняя атеистическая ясность ей приятнее. И Луизе привычнее. Не надо идти дальше чашки с кофе. И у Вероники, и у квартиры, окна которой выходят на шумную улицу над железной дорогой, переходный период.

Луиза восхищает Веронику. Мадам строит планы, уточняет каждую деталь, чтобы потом целенаправленно устремиться именно туда, куда решила заранее. Рядом с ней Вероника чувствует себя слишком медлительной, слишком абстрактной, слишком тухло и старомодно библиотечной. Луиза весело отбрасывает взмахом руки шелуху ненужной философии. Потом однозначно ставит, как шахматные фигуры, самые простые слова, заводит ключиком механизм жизни. И вот уже вытянутая квартира на втором этаже московского блочного дома превращается в парижское кафе, наполненное французским шармом и удовольствием от самых обыденных вещей.

Вероника начинает смотреть на все Луизиными глазами: будь то семейный сервиз с выщербленными краями блюдец, на которых гостя вдруг замечает маленьких птичек, или отполированное ее умелыми руками старое пианино. Переставленные ею фарфоровые кошечки теперь подхватывают тепло утренних солнечных лучей. А чего стоит попытка сотворить фондю на проснувшейся от незнакомых запахов

кухне!

Когда-то и мать была такой же. А потом она стала проживать каждый день, как маленькое *Nota bene* в конце, постскрипtum, который в русской традиции начинается со слова «кстати». Это когда уже все почти разошлись, а ты вдруг вспомнил что-то и окликаешь в спину. А никто уже не слышит, – проверяет, не забыл ли перчатки, и спускается по лестнице, думая лишь о том, как доберется наконец до дома. Остаток жизни, который всем всегда нехстати. Вероника постоянно об этом думает, сравнивает, вспоминает, растворяясь в том новом свете, который принесла с собой еще вчера ей незнакомая женщина.

«Так ты веришь в бога?» – Луиза не понимает. Для нее это почему-то важно. Вероника удивляется. «Вот ведь, приехала в Россию и спрашивает о боге... Он же не мог здесь появиться за какие-нибудь пятнадцать лет! Само собой, полно тех, кто достал из сундука, встряхнул, может, в химчистку снес, а потом и повесил бога на стену... Или просто купил – так проще. Есть, конечно, люди, которые смогли пронести и сберечь веру за минувший век, но точно не в сумасшедшей столице. А если даже и тут, то они как в советское время были тихи, так и сейчас никому ничего не навязывают».

Она так мало знает о своей стране. Когда Луиза говорит «у нас во Франции», Вероника отвечает «у нас в Москве». И Вероника снова, как обыкновенно для нее, не умеет сразу сказать «да» или «нет». Она начинает плести кантовские

макроме про разные стороны и взгляды, а потом напоследок подштамповывает общегазетными – про уважение ко всем религиям, про интернационализм.

Хорошо, что тетушка не слышит. После смерти матери, при отсутствии других родственников, нуждающихся в ее помощи, тетка Полина стала еще набожнее. Когда она навещает Веронику, придирчиво разглядывает Луизу. Говорит по-русски громко, будто обращается к плохо слышащему человеку:

– И как вам Москва? Нравится? Небось в Париже вашем не так красиво! И метро такого нет!

Луиза смеется и кивает. Дарит Полине какой-то сувенир, от которого та отказывается.

– Не надо мне! У меня много всякого, ставить некуда! – кричит она, уверенная в том, что иностранке так станет понятнее.

«И что это за манера у них такая, – Вероника недовольна. Ей неудобно перед гостьей. – Ни слова в простоте, ни улыбки в ответ. Человек ведь дарит от чистого сердца!» Сама не замечая, она объединяет тетушку, мать и всех старперских родственников в одно целое вместе с советским подзрительным прошлым.

* * *

Однажды Луиза застаёт ее совершенно врасплох вопросами о детях.

– Ты любишь детей? А ты хотела бы их иметь? А сколько?

Вероника краснеет. Ей не хочется отвечать. Не будет же она рассказывать об аборте, который сделала еще будучи замужем! Она была тогда совсем не готова восторгаться розовыми пяточками. Она не хотела заводить ребенка от украденного мужа. «Еще успею, – думала в тот момент Вероника, не говоря никому о беременности. – Надо бы разобраться со всем, с собой в первую очередь, привыкнуть к молчащему телефону, обустроиться в новой реальности, нарастить жирок позитива, а потом уж и рожать... Если это так необходимо».

Она старается ответить однозначно, что, дескать, конечно, положительно относится, но пока не было, как говорится, случая подумать конкретнее...

Потом размышляет, не подозрительно ли быстро поспешила отместить все дальнейшие распросы, не очень ли резко выразилась, не слишком ли небрежно прозвучали ее слова... Надо было предвидеть такие вопросы и подготовить ответы. Она чувствует, как краснеет. Луиза слушает, не перебивая, и с пониманием кивает. Что думает гостя на самом деле, Вероника не знает. Они отправляются пить чай, который все чаще сводится к бокалу Pinot Grigio.

глава 14.

Прощание

Луизин отпуск подходит к концу, и она собирается домой. Вероника провожает ее в аэропорт. Женщина в дорожном костюме, осенняя и уже нездешняя, долго держит ее руки в своих. Она требует обещания приехать, как только пришлет приглашение. Вероника обещает. Ей жаль расставаться с Луизой. Она возвращается в пустую квартиру, собирает брошенные впопыхах бумажные, уже ненужные, пакеты, картонки от купленных Луизой сувениров. Квартира снова принимает обычный, насупленный вид, заполняя все серым и поглощая быстро промелькнувшие случайные заморские баловства.

«*Ma chérie Véronique*, я добралась благополучно, правда, самолет немного качало и бросало в воздушные ямы. Это навело на мысли о скоротечности нашей жизни. Но ты не думай, я не паниковала! Слава богу, мы благополучно приземлились в Лионе, в нашем милом аэропорту. Он назван в честь Сент-Экзюпери. Я вспоминала, как мы с тобой долго говорили о „Маленьком принце“, еще раз отметила твои вдумчивые и такие своеобразные впечатления о книге! Твои слова о той глубине одиночества и откровения, которое способно настичь человека лишь на грани смерти, в последнюю минуту, между двумя мирами! Ведь только тогда нам откры-

ваются все самые потаенные уголки нашей души, смысл наших дел, ценность близких людей и, кто знает, дорога в лучшее будущее. Дорогая Вероника, я так тебе благодарна за то время, которое ты мне посвятила. Жду не дождусь, когда я смогу тебе показать наш прекрасный город. Жан-Пьер меня встретил. Он с таким вниманием слушает мои рассказы о Москве и о тебе, что мне не терпится вас познакомить. Вы наверняка станете добрыми друзьями!»

Луиза присылает письма по электронной почте. Для нее это внове, так что иногда одно послание приходит дважды, а порой – ничего по несколько дней. Со смехом, который слышится сквозь строчки, мадам сообщает, что – вот умора – отправила письмо самой себе и все это время ждала ответа.

Вероника отвечает сразу. Старается писать короткими фразами и не увлекаться рассуждениями. Пишет о погоде – «у нас уже выпал снег», о работе в двух словах – «мой новый рекламный проект как раз связан с выходом на российский рынок французской компании Pierre Croucoud». В конце обязательно вставляет короткие вежливые ремарки: «Я так рада, дорогая Луиза, что тебе понравилось в Москве». Иногда по просьбе мадам пишет часть по-русски. Луиза откликается с восторгом и ошибками в словах.

«Дорогая Вероника, я так тебе благодарна за то, что ты среди такой загруженности находишь время мне регулярно писать! Я уже обсудила с Жан-Пьером программу твоего ви-

зита, куда мы пойдём, где будем дегустировать лучшие блюда лионской кухни (ты ведь знаешь, что Лион – это гастрономическое сердце Франции!). Он мне подсказывает самые интересные маршруты...»

«Милая Вероника, в Лионе очень серо, мокро. Здесь зима без снега. Низкое небо вгоняет в самую настоящую депрессию. Но мы не сдаемся! И я, и Жан-Пьер много работаем, ведь мы помогаем тем, кто нуждается в поддержке. Это ответственность каждого француза. Скоро Рождество. Мы будем его отмечать дома, а потом навестим родственников. А как ты проводишь праздники? Я знаю, что в России Рождество позже Нового года. Какие блюда ты планируешь приготовить? Какие подарки купила своим близким?»

«Дорогая Вероника, спасибо большое за фотографии Sapin de Noël, твоей рождественской ели, и такой красивой снежной Москвы! В следующий раз я обязательно приеду зимой! Жан-Пьер сказал, что это выглядит празднично и экзотично – встретить Рождество под снегом, а если удастся, то на настоящей Красной площади! Он очень любит семейные традиции, и мы пригласили гостей на ужин. Как жаль, что ты не с нами!»

Тепло, которое невозможно потрогать, струится с экрана компьютера. Нынешняя зима для Вероники особенная. Она соединяет длинные одинокие вечера со слабым отблеском надежды, который отражается в елочных шарах ожиданием чуда. Вероника сама не замечает, как начинает ждать писем

от Луизы и обдумывать в метро ответы в далекий Лион.

* * *

Лена приносит разные слухи и тревожные новости. Ее рассказы о разводе «главного», о смене руководства, о покупке новых компьютеров, что, несомненно, влечет за собой какие-то сложные перестановки в офисе, жалобы на молодых коллег, которых непонятно зачем набирают в таком количестве, скользят мимо Вероники, не задевая. Погруженность в конкретную, с целью и воплощением, любимую работу Лене далека. Ее силы по большей части уходят на то, чтобы быть в курсе всего, показывать свою нужность и удержаться при любых ветрах. Еще остается личная жизнь. Лене приходится снизить ее планку и довольствоваться последнее время тем, кого называют «просто хорошим парнем». Зимние вечера и беспокойство из-за перемен в компании притушивают в Лене огонь авантюр, вовремя подбрасывая фильмы под попкорн рядышком с умелым и влюбленным в нее автомехаником.

Ближе к весне, которая еще запрятана среди высоких синих сугробов, Вероника получает заказным письмом приглашение от Луизы. Франция обретает контуры, наполняется реальностью и ее, Вероники, присутствием. Через месяц, рассматривая в паспорте новенькую и удивительным образом долгую визу, просит дать ей накопившийся отпуск. Пообещав по мере сил не бросать работу над важными проек-

тами, Вероника пакует новый, только что купленный чемодан. Сборы коротки. Тетушка приходит проститься и все норовит поехать ее провожать в аэропорт. Вероника оставляет на тетку квартиру, домашние метры между стенами, откуда постепенно исчезли ковры и расписные тарелки. Уезжать ей просто и радостно. Налегке.

глава 15.

Буржуазная квартира

Длинный коридор тянется в глубь квартиры. Мадам Луиза, пропуская Веронику вперед, замолкает и терпеливо ждет, пока та осмотрится. Гостья входит в новое пространство, в неизвестную галактику, естественно, как нож в мягкое масло. Но мало просто войти! Вероника обязана, как считает хозяйка, почувствовать особый воздух дома – продегустировать только что преподнесенный ей удивительный напиток. Его требуется пробовать мелкими глотками, вдумчиво пытаться угадать ингредиенты, составляющие букет, посмаковать послевкусие. Луиза не особенно рассчитывает на восторги. Она прекрасно знает, что ее московская подруга – ох, уж эти русские! – не богата на эмоции. Мадам всматривается, стараясь не пропустить, хотя бы легкий блеск в глазах Вероники от приобщения к миру, который, ей ли не знать, всегда занимал особое место в мечтах советских людей. Первые шаги очень важны. От них зависит многое.

И Вероника wpłyвает в напитанную французской историей квартиру, медленно привыкая к полутьме коридора. «Интересно, – думает она, – сколько ж тут жило поколений»? Она машинально считает количество дверей – вроде четыре, нет, пять, – но отвлекается. Веронике пока не удастся все толком разглядеть. «Ничего, потом, потом», – думает она,

следуя за мадам, которая торжественно, как дворецкий в родовом замке, приоткрывает одну дверь за другой в анфиладу покоев. Вероника вдыхает особый запах – запах насыщенного прошлого, а еще старой мебели, пыли и затхлости. Она не уверена в том, что квартира ее ждала.

– А вот и прибежище Жан-Пьера! – провозглашает Луиза. – Помнишь? Я тебе рассказывала про его комнату! Я тебе и про него много рассказывала! И писала.

Вероника помнит. Еще в Москве ей казалось, что у Луизы появились особенные планы. Нельзя сказать, что Вероника об этом не думала. Воображение тут же услужливо подбрасывало ей мужчину, виденного на фотографиях. Он постепенно становился объемнее и не раз заглядывал в ее сны, накрывая жаром. Веронике он виделся по-французски галантным романтиком и нежно любящим свою маму, которая станет лучшей в мире свекровью. С Луизой-то они уже крепко подружились. Непривычно начинать отношения с другого конца, но мир многогранен. Кто сказал, что нельзя создавать семью с выбора свекрови, *belle-mère*? Вероника себя на этом месте всегда обрывала, вешала на свои фантазии маленький, но строгий замочек.

Так, быстренько вспоминаем, что известно о Жан-Пьере, том, который уже какое-то время присылает ей рукой Луизы приветы в конце мейлов. Немного. Работает вместе с матерью в каком-то фонде, или, как во Франции принято говорить, ассоциации, которая занимается гуманитарными про-

граммами, помощью то ли беженцам, то ли бездомным... Это удивительным образом волнует Веронику. Она впервые сталкивается с людьми, отдающими свои время и силы нуждающимся! Неожиданное обнищание в девяностых тех, кто раньше вполне себе прилично существовал, даже спустя годы трогает ее сердце. Вот бы тогда были программы помощи! И не американской или немецкой, а поддержка от своих, более удачливых. Ведь именно это как раз очень важно. Чтобы не пилить, что пилится, а чтобы вместе через трудности и перелом. Жизнь потекла бы совсем по-другому, наверное...

Вероника входит в комнату с некоторой опаской, будто прикасаясь к чему-то запретному. Тяжелый письменный стол у высокого окна. Постеры с чуть отклеенными потрепанными краями соседствуют с грамотами в серебристых рамочках и несколькими книжными полками. Диван накрыт клетчатым пледом, таким, какой остался в памяти Вероники от ее подросткового увлечения шотландкой. Помнится, у нее когда-то была такая юбка...

Вероника знает: Жан-Пьер давно уже не юноша. Но ей кажется, что она случайно вломилась в комнату подростка.

– Луиза, а ничего, что мы зашли вот так, без спроса? Это же его комната. Может быть, Жан-Пьеру это не понравится...

Она оглядывается. Рядом никого нет. Комната выглядит нежилой, законсервированной в каких-нибудь восьмидеся-

Тых.

– Дорогая, что ты говоришь? Я сейчас приду! Принесу твои вещи, что тут остались! – доносится откуда-то издалека. Голос пробирается сквозь темный тоннель коридора, приглушенный то ли пылью, то ли многочисленными тканями в комнатах – чехлами на мебели, тяжелыми шторами, бархатом пуфов и кресел. Она успела заглянуть по дороге...

Вероника поворачивает голову – краем глаза она замечает какое-то бесшумное движение, как будто мелькает тень большого кота. Прислушивается. Ничего. Там, где-то далеко, в районе входной двери, Луиза с кем-то разговаривает. Квартира пахнет прошлым, чужими тайнами, сменой лет и респектабельным банковским счетом. Она подглядывает из каждого угла и размышляет, наверное, принять Веронику или повременить...

Глупости! Поменьше фантазий! Вероника бегло осматривает комнату. Ей хочется заглянуть под постеры, за край грамот, раздвинуть рамки двух фотографий то ли класса, то ли летнего лагеря. Ей нужно найти хоть что-то, что рассказало бы о хозяине комнаты. Жан-Пьера в комнате чрезвычайно мало. То, что Вероника видит, выглядит устаревшим. Требуется апгрейд. Его самого, выросшего и взрослого мужчины, здесь нет.

Веронике стало бы легче, если та промелькнувшая кошка потерялась бы о ее ногу с нежным «мяу» или рыбки бесшумно вильнули бы хвостом в аквариуме, тарашась на нее и пуская

пузыри. В комнате нет жизни. Она ходит на музейный экспонат или место съемок – этакий образец комнаты подростка. Если не обращать внимание на новейшую навороченную модель компьютера на столе, образец вневременной.

– А вот и я! – Луиза вносит оставленную Вероникой в прихожей сумку. – Проверь, все твои вещи на месте? Мы ничего не потеряли? Я думаю, что тебе будет удобно расположиться именно здесь!

– Ой, что ты, спасибо! Только не надо было поднимать, она тяжелая... Я бы сама принесла... Расположиться здесь? – Вероника не знает, как себя вести. – А если... ça alors! А Жан-Пьер?

Ей непросто произнести имя. Она сама не знает, почему.

– Когда он вернется из командировки, он прекрасным образом займет другую комнату! Он ведь, как-никак, у себя дома! Да ты не стесняйся! Нам всем хватит места!

Луиза похлопывает гостью по плечу, подбадривая и улыбаясь.

– Хорошо, конечно, – соглашается Вероника, понимая, что возражать бессмысленно. Все было решено еще до ее прибытия. – А можно мы приоткроем окно?

В комнате очень душно. Кажется, что здесь давно не проветривали. Может быть, и давно не жили... Вероника спохватывается и начинает кивать головой в такт словам, благодарить Луизу, которая приобнимает гостью и смотрит пристально в глаза. Веронике неуютно. Она спрашивает про

кошку.

– Кошка? – Луиза искренне удивляется. – Никаких животных! Это же дополнительные обязательства! Да и мало ли что, аллергии разные, траты на ветеринаров...

Она машет рукой, показывая весь абсурд столь смешных, по ее мнению, предположений о кошке. Потом с ноткой задушевности и мягкой, еще не оформившейся радости добавляет:

– Я так рада, что ты приехала! Ma chérie, дорогая, располагайся. Приоткрой окно, конечно! Там есть такая ручка, вон там! Скажи, если будет нужна помощь. Я пойду, приготовлю что-нибудь перекусить, маленький аперитив. Ты же не против?

Вероника не против. Она зачем-то пододвигает на середину комнаты чемодан, обходит его и садится на диван. Ее снова охватывает ощущение своего участия в какой-то пьесе. Ей нужно постоянно быть начеку: не пропустить, не забыть. В отличие от московских восторгов Луизы-гостьи, роль мадам сейчас расписана до мелочей. Вольность или экспромт нежелательны. Теперь две героини – пока, правда, непонятно, кто из них главная, – собрались в одном пространстве и в одном времени, а для погружения в атмосферу спектакля начинают разыгрывать мизансцену.

Вероника не может сдержать усмешку. Она подмигивает своему отражению в стекле книжной полки с «Отверженными» и «Капитаном Немо».

«В конце концов... Я приехала, я во Франции! – она делает реверанс невидимой публике и дотрагивается до клетчатого пледа. – Следующая сцена называется „В ожидании Жан-Пьера“. Все действующие лица ждут главного героя. При этом он знаком только одной даме. Интрига. Дальше начинается история, которая пока не сыграна. И да, главная роль здесь, без сомнения, у мадам Луизы».

А где-то в глубине старой буржуазной квартиры, которая оживает, наполняется новыми запахами и звуками, Луиза с удовлетворением прислушивается к теплым шорохам, доносящимся из комнаты сына. У нее радостно бьется сердце, и все вокруг становится милым, добрым и сулящим удачу. Véronique приехала! Чутье ее не подвело – молодая женщина оказалась тонкой, душевной, увлеченной любимым делом, вроде рекламой... А еще она кажется одинокой и раненной отношениями с матерью – вот ведь сука, небось, была. Вероника начала раскрываться диковатым, но нежным бутонем в ее умелых руках. Пусть не сразу, но молодая женщина, она видит, прикипела к ней сердцем как к заботливой старшей подруге. И это понятно – у бедняжки совсем нет родных, тетушка не в счет, и много несчастливого прошлого в трудной и не очень понятной стране.

Луиза полна прозрачным, как воздушное покрывало, предвкушением. Вот-вот должен случиться поворот в жизни семьи благодаря женщине с вполне французским именем Véronique. И она, Луиза, покроет лаком все прошлые

проблемы и наконец тоже обретет тихую, достойную гавань. Осталось только дожидаться приезда сына. А в том, что все сложится самым наилучшим образом, она почти не сомневается.

глава 16.

Теплые камни

Праздность, которая поначалу была подарком, неожиданным и чудесным побегом из московской жизни, понемногу становится привычной. Вероника не стремится находиться в центре внимания, но здесь она чувствует себя желанной. У Луизы получается бережно, но крепко захватить ее в круговорот гостеприимства, удовольствий и каждодневных открытий. Веронике порой даже становится неудобно: чем особенным она заслужила такое счастье? С другой стороны, вся эта суета вокруг нее безумно приятна, хотя она каждый раз пытается убедить Луизу, что она и сама прекрасно найдет себе и занятия, и маршруты. А еще ей хочется все потрогать, почувствовать и попробовать; ей хочется понять жизнь обитателей квартиры в центре Лиона, как новый для нее вкус блюд в гастрономической столице Франции.

Вероника планирует вернуться в Москву через две недели. Спустя несколько дней она соглашается поменять билет, ведь ей не хочется обижать хозяйку.

– Куда ты торопишься, дорогая? – восклицает Луиза и берет ее руки в свои. – У вас же там еще снег лежит! Нет, что ты! Совсем не мешаешь! Наоборот – мне было бы одиноко, а с тобой замечательно. Это так прекрасно, что ты с нами, здесь!

«С нами» прозвучало странновато. Жан-Пьер еще по-прежнему где-то далеко, и Вероника с ним не знакома. Луиза обещает каждый день, что он вот-вот придет. Вероника верит. Впрочем, от нее не ускользает то, что мадам порой теряет свой оптимистический задор и даже нервничает, но не то чтобы сильно, не то чтобы роняет тарелки. Просто иногда к вечеру у нее сползает улыбка, как ее ни поправляй, а глаза становятся влажными. В Веронике, привыкшей считать материнские капризы, настроение Луизы отзывается камертонно, сочувственно. Не обсуждая и не задавая лишних вопросов, они, благодарные друг другу, вместе ждут Жан-Пьера.

* * *

У Вероники в запасе много времени – нынешний отпуск вместе с не использованным раньше. Она и сама не помнит, когда отдыхала в последний раз. Лена держит Веронику в курсе новых и старых проектов. Можно переводить и творить здесь, а потом пересылать результат работы по электронной почте. Мало кто так делает, но почему бы и нет? В ней заинтересованы. Это факт. Вероника со своей стороны не хочет потерять работу и даже в отпуске готова, если надо, подставить руки. В то же время ей кажется неразумным не воспользоваться открывшимися возможностями. Она убеждена в том, что черная полоса в ее жизни закончилась и ей в кои веки повезло. Вероника думает об этом с вол-

нением и робкой надеждой. Луиза раскладывает перед ней, как пасьянс, не простой визит туриста с экскурсиями галопом, а прикосновение к настоящей французской жизни.

– Я так тебе благодарна за то время, что я провела в Москве! – постоянно твердит она. – Моя цель – открыть тебе Францию, показать наш замечательный Лион, так чтобы ты почувствовала себя здесь дома.

Стараясь в любой мелочи окружить гостью вниманием и заботой, Луизе приходится все же понемногу возвращаться к работе и своим повседневным делам. Выходные они проводят вместе, но будни теперь принадлежат одной Веронике. Она гуляет по улицам, заглядывая во дворы и рассматривая витрины магазинов. Центр Лиона небольшой, но сложенный, как архитектурный паззл, из разновеликих и разновременных частей. Вот тут теснятся узкие улочки Старого города с вылезавшими, как заржавленные гвозди из палубы выброшенного на берег галеона, тремя подкопченными временем соборами. Вероника утыкается в путеводитель: собор только один, по центру – Saint-Jean, кафедральный собор Иоанна Крестителя, на минуточку! Другие два лишь церкви... Ничего себе!

Старый город, может, и мечтал бы о средневековой округлой компактности, когда к главной площади сходятся со всех сторон желобы для нечистот между условными тротуарами и каменными изваяниями мадонн, спрятавшихся в нишах домов. Но тогда, давно, в средневековом времени, Лион ока-

зался зажатым между нависающим холмом с одной стороны и полноводной Соной с другой. Три главные улицы, переплетающиеся то тут, то там, разбегаются по своим ремесленным делам. Каждая таит свои секреты, раскрывая прохожим только то, что считает нужным. Да и то стоит сунуть один раз свой любопытный нос в приоткрытый внутренний дворик, как в следующий раз он уже никого не пускает. Вход запечатан наглухо массивной дверью, укрепленной коваными железными доспехами. «Чужой, чужой», – слышит Вероника шепот Старого города, когда скользит дальше вместе с толпой туристов по краю, по обложке, по отведенной случайным гостям приграничной полосе.

Механические куклы-автоматы в пыльной витрине – музыкант за ободренным клавесином, аптекарь в пенсне и дамы в кринолине – вдруг начинают двигаться сами по себе. Обещанные на вывеске стеклодувы прячутся где-то в глубине мастерской под низкими сводами, а ткацкие каморки хвастают шелком. Вероника читала про знаменитые лионские мануфактуры, про ткачей, которые, восстав против машин, пошли громить своих деревянных соперников и, как водится во Франции, возводить баррикады.

Она сомневается в том, что громоздкие, во всю огромную залу станки способны сегодня что-то соткать. Впрочем Вероника не спорит, согласно кивает и делает вид, что верит: а вдруг и правда шелковые кашне змеевидно выползают именно из-под этих старинных механизмов, а не прибывают

из Китая? Хозяин одной из таких лавок спрашивает, откуда она. Лицо его освещается детской и немного хитрой улыбкой. Он выкладывает перед ней радужным фейерверком разнообразие платков и шарфов:

– Русские туристы – мои лучшие покупатели! Они способны оценить оригинальность и качество нашего шелка! Обязательно покупают подарки. Много подарков!

Найдя благодарную слушательницу, он долго рассказывает Веронике о производстве особой ткани, которая прославила лионских мастеров, о старых и современных технологиях, угощает кофе. Веронике с трудом удается вырваться. Впрочем, цель хозяина шелкового царства достигнута – она покупает себе foulard, шарфик, с картиной на нем.

– Ах, какая вы красавица! Мадам похожа на итальянку! – Торговец обходит ее по кругу, снова прикладывая то один платок, то другой. – Эти яркие цвета удивительно подходят к вашим темным волосам и карим глазам!

– Одного достаточно, большое спасибо! Обязательно зайду к вам еще! – благодарит Вероника.

В кругах лунного света над шпилем собора шелковая ночь Ван Гога, обнимая Веронику за плечи, то складывается, то расправляется под дуновением весеннего ветра. На губах надолго остается вкус итальянского кофе.

Вероника поднимается по крутой лестнице наверх, на холм. Она делает несколько остановок, чтобы отдышаться. Над Старым городом нависают развалины римского ам-

фитеатра. Луиза, с гордостью показывая Véronique каменную кладку останков античных домов, называла памятник «галло-романским». Да, именно в такой последовательности. Она отдавала историческую пальму первенства завоеванным позже других и злоупотреблявшим плодами виноградной лозы «косматым» галлам. Один из римских наместников как раз жаловался в своих донесениях императору на склонность местных жителей к алкоголю. А чего он хотел? Жизнь была не из легких. Еще и германцы постоянно нападали.

Вероника садится то выше, то ниже на уже теплых, нагретых мартовским солнцем, неровных рядах римского амфитеатра. Читает путеводитель. Гладиаторские бои, театральные представления. Да, все так... Зрелища были обязательной частью политики что дома, в Вечном городе, что по всему продвижению когорт вплоть до острова дерзких бриттов. А потом это место страстей заросло травой, погрузилось в тень, в запустение средних веков. Жители растаскали древние булыжники на строительство домов внизу, ближе к реке, когда построенный римлянами водопровод оказался забыт и вычеркнут из жизненных приоритетов тогдашнего сурового христианства... Его предстояло изобрести заново. История столетий оставила здесь свой отпечаток ноги, на дороге времен Цезаря из скользких валунов справа от амфитеатра...

Вероника спускается и выходит на середину сцены. Хло-

пает в ладоши – эхо отвечает то тут, то там среди серых грубо обтесанных ярусов. Надо же! Двадцать веков назад среди составленных полукругом камней над виноградниками Галлии была поймана и приручена волшебная точка, пульсирующая сердцевина звука. Ее и сегодня разносит ветер над холмом Лугдунум.

Lugdunum, «Холм воронов», растерял за столько веков свои кельтские корни и превратился в Лион. Ворон, божество войны, фигурки которого так часто венчали шлемы местных воинов, улетел в прошлое. Перенятая у римлян латынь, немного подпорченная галльским выговором, стала французским языком.

глава 17.

Город второй величины

А на другом берегу празднично развалился, пряча свою роскошь за строгими вывесками первых банков и торговых палат, XIX век. Плотные ряды пышных зданий пересекают Presqu'île, полуостров между Соной и Роной, двумя реками, которые на французском одна почему-то женского, а другая – мужского рода.

Улицы становятся светлее. Даже узкие проулки выплескиваются мелкими струями, вылезают из своей каменной кожи на большие площади в пятнах радостных кафе. Пешеходная Републик, rue de la République, отмечающая центр любого французского города, течет полноводным восторгом высоких витрин, останавливается, чтобы покрутиться каруселью, звонко взлетает и опадает брызгами фонтанов. По-домашнему пахнет блинами-«крепами».

На левом берегу Роны, по-кошачьи выгибающейся мостами и утепленной платановыми бульварами, лежит деловой Лион. Это Лион уже окрепших финансистов, оптовой торговли тканями, модных ресторанов с золотой подделкой арт-нуво и завитками, напоминающими парики времен Louis XIII, да и других Людовиков тоже. Он мало чем отличается от парижских авеню начала XX века. Это любимый район Вероники, которую переполняет неизбывная российская

тоска по Парижу. Здесь – вон там, на другой стороне перекрестка – занимает большую часть улицы и дом с врезанным в послевоенные годы узеньким лифтом между сжимающими его треугольными ступенями. По ним взбирается и сбегает теперь по несколько раз в день Вероника.

К началу XXI века город приходит, вспоров набережные туннелями и прилепив, как пластырь на рану, пару стадионов. При этом упрямо тянет, не смея или не желая отцепить, груз исторической буржуазности и традиций. Старый город помогает поместить их в музейный законсервированный воздух, чтобы туристы могли сделать колоритные фотографии. Но слева, за Роной, и справа, где две реки сливаются в одно широкое русло, все становится сложнее. Время наступает. Лион сопротивляется.

Ресторанные кухни по-прежнему закрываются в два часа дня перед носом уткнувшихся в карту голодных туристов. Официанты, несущие свое достоинство, как корону французских королей,жимают плечами, выражая откровенное презрение.

– Увы, – говорят они с плохо скрываемым злорадством, – такова жизнь. У нас перерыв... Наши повара должны отдохнуть. В хороших ресторанах все по правилам, по заведенным веками правилам... Это же столица французской кулинарии, а не абы где... Приходите теперь в половину восьмого вечера... Сожалеем. *Désolés*.

Вероника с терпением и ответным восторгом слушает рас-

сказы Луизы. Их прогулки долгие, а подъем на фуникулере завораживает. Они спускаются с холма Фурвьер и заходят в темные соборы Старого города с горгульями, вырывающимися адскими бестиями из переплетов каменных арок вокруг закопченной апсиды. Женщины, полные доверия и нежности друг к другу, пьют горячее вино и смотрят на кружащих над дымящими трубами воронов. Вероника постоянно, бесконечно благодарна Луизе, а та лишь, бросив «да не за что, мне самой очень приятно», тепло улыбается.

* * *

Есть города открытые и великие. Они величаво плывут по времени, вольготно раскидывая свои застраивающиеся просторы, как руки в глубоком спокойном сне. Чужестранца они захватывают с первой минуты. Повертев так и сяк незнакомыми перекрестками, увлекают, увлекают и тянут, катят, несут по самым красивым улицам, по широким проспектам туда, туда, прямо к сердцу. А потом ложатся у ног, лизнув напоследок волной вечернего автомобильного приboя, и ждут с детским нетерпением вздохов и восторгов. Ждут, как Трафальгарские львы. Расстилают несмолкающей радостью жизни Елисейские Поля. Мрачно-торжественно молчат, устремив в глубину веков зубья Кремлевской стены. Уводят ввысь Испанской лестницей. А то вдруг возьмут да и бросят, как маленький, но драгоценный сапфир под ноги, Староновую синагогу...

И ведут к великому городу дороги, и приходят путешественники, и плывут за добычей завоеватели. И каждый, кому этот город виделся в смелых мечтах, начинает его к себе прилаживать, то похваливая, то поругивая. А тот, кому вдруг перепадает власть, берется кроить и перестраивать его на свой вкус. И городу ставят на вид. И заставляют выворачивать карманы. Не успеешь оглянуться – и нет больше таинственных историй: стирается паутина закоулков, и проходные дворы не прошивают улицы, и узкие мостики оказываются недостаточно прочны...

Вот уже бульвар или проспект прошелся катком, с юношеским максимализмом раскидывая в разные стороны старье. Дома попржижались, притихли. Другие-то вообще не успели ноги унести... Где старые огороды? Какие огороды? Это вам не XIX век... Да и статус обязывает. Опять же теперь на широких улицах баррикады не возведешь. А то знаем мы их, французов! Нынче и порядок, и в ногу со временем... Эх, столичное бремя... Все на виду, и всем до тебя есть дело.

Города же второй величины, второго порядка, то довольствуются семейным ужином без чужаков, то окрикнув кого-то в ночи, то посмотрят застенчиво, точно какой-нибудь подросток. Такой боится оказаться в центре внимания, но ужас как хочется. И он прячет дневничок с переживаниями. Он не любит многолюдные праздники. Ему есть что скрывать, но его секреты мало кому интересны. Так, редко кто толкнет в бок: а что за хлам ты тут копишь? Давай раз-

берем на листочки, на дровишки, на камешки! Но это кто-то свой, которому тоже захотелось войти в историю, хотя бы постоять на ее краю...

А город бережно хранит свои старые гравюры, добавляет новые фотографии, рассказывает сказки, вешает памятные доски. Стоит только свернуть с проторенной туристической тропы, как в эхе деревянных перекрытий услышишь жалобы скрипящей на ветру железной вывески с облупленным поросянком на ней.

Лион выглядит именно таким. И Вероника сразу понимает, чувствуя его недоверчивость, что первое впечатление открытого великодушия обманчиво. Этот город не собирается так сразу перед ней раскрываться. Придется отказаться от столичной привычки получать все и сразу. Провинцию, тем более ту, которая с историей, нужно уважать – дама капризная, интравертная. Немного терпения – и награда не заставит себя ждать: тогда и кабаллические знаки вспыхнут на закате, и неровная дорога из покатых валунов вспомнит поступь гладиаторов, и фигуры сбоку от главного портала Сен-Жана покажут... Да, именно те самые, откровенные места, вылепленные с карнавальской провокацией, и покажут, если знаешь, куда смотреть.

Лион Веронику околдовывает, завораживает, но она затылком ощущает его тяжелый взгляд – город ждет своего часа, присяги на верность. Пока же первое, что ей приходится сделать, – научиться здороваться с соседями по дому, поч-

тальяном, уборщицей на лестнице, хозяином овощной лавки. «Дикость какая-то, – поначалу думала Вероника с московским высокомерием. – Я с ними даже не знакома». Луиза не стала ее воспитывать, промолчала. И с ней, и с Вероникой все продолжали упорно здороваться и желать хорошего дня. Пришлось отвечать на приветствия. И Вероника привыкла.

глава 18.

Жан-Пьер

Дом жестким углом очерчивает классическую перпендикулярность буржуазного района. Аллеи и параллельные улице парковки расширяют и облагораживают авеню. Она так и называется – авеню.

Когда Вероника открывает тяжелую дверь подъезда или входит в ворота, за которыми скрывается внутренний дворик, ей кажется, что на нее с любопытством и некоторой завистью посматривают прохожие. Веронике это приятно. И пусть через пару секунд все уличные взгляды соскальзывают и исчезают на прохладной мозаике каменного пола, ей хочется снова и снова подходить к дому и открывать тяжелую дверь.

Лионская весна на редкость теплая. Квартира повторяет геометрию дома, поэтому синий воздух, впущенный в салон с обеденным столом и тяжелыми креслами, проносится, огибая углы и мебель, в коридор. Оттуда с ветренной непосредственностью внешний мир прорывается в комнаты, наполняя их свежестью и голосами птиц. Вероника становится первой, кто пытается здесь жить с открытым окном. Человеческий и автомобильный шум города ей не мешает. Да разве он сравнится с тормозящими на светофоре грузовиками над железной дорогой? Смешно! Она вспоминает о Москве

совсем немного, так, для сравнения. Луиза повторно закрывает балкон, маленький бетонный довесок с оградой, которым никто не пользуется, и жалуется на сквозняк. Вероника просит прощения. Но как только остается одна, тут же снова открывает окна, потому что в квартире душно.

Она не знает, что думает Жан-Пьер, как он относится к холоду или шуму, что любит на завтрак и какую слушает музыку. Вероника ждет, но делает вид, что она в гостях исключительно у Луизы, благодарной Луизы. Она внимательно впитывает все, что рассказывает мадам, но вопросов не задает. Ей почему-то неудобно показать свой интерес к человеку, которого она еще не видела.

* * *

Жан-Пьер входит вместе с матерью. Вероника с утра прислушивается к любому шороху в прихожей и волнуется. Ее сердце подпрыгивает, падает и отбивает дробь, одним словом, ведет себя черт знает как, вне правил. Потом оно с облегчением успокаивается, если звуки лифта затихают или захлопывается соседская дверь. В тот самый момент, когда раздается торжественно-радостный Луизин голос, Вероника занята столом. Домашняя суета помогает унять сердце, прикрепить его на скорую руку где-то слева и выйти в коридор с почти спокойной готовностью улыбаться. Остается только заправить салат. Картофель с легким touché розмарина уже в духовке, а на плите булькает курица в белом вине. Так, вро-

де уже хватит булькать... Вероника делает то, что ей кажется правильным: они приедут из аэропорта, а их ждет накрытый стол. Теперь главное – не краснеть и ничего не уронить. Они входят.

– Véronique, ma chérie! Et voilà! Вот и мы! Жан-Пьер, милый, это наша гостья из Москвы!

Жан-Пьер очень похож на мать. Просто копия! Правда, по каким-то причинам он напоминает третий экземпляр написанного под копирку текста. Вероника вспоминает – боже, как же назывался тот агрегат? Ах да, «Ятрань»! На ней мать перепечатывала рецепты из журналов для себя и своих подруг. Самый чернильно-слабый оставляла себе. Господи, о чем она думает в минуту знакомства, которого так ждала и боялась? О пишущей машинке из советского детства... Но ведь он и правда такой, непропечатанный...

Жан-Пьер проходит в коридор и снисходительно дает матери его потискать, потрепать по голове. Вероника сразу решает, что он ей нравится. Пусть он и не выглядит таким ярким, как мать, не выплескивает жажду жизни на всех кругом, как Луиза. Сцена снова напоминает театральную антрепризу. Мужчина кивает, отвечает на вопросы. Поток эмоциональных восторгов обтекает его со всех сторон. Жан-Пьер молчит и смотрит на Веронику со спокойным интересом. У него голубые глаза, мягкие ресницы и взлохмаченные темно-русые волосы. И нос. Она не может отвести взгляда от его носа, грубого и немного скошенного вправо. Он будто при-

ставлен Жан-Пьеру с чужого лица. «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»

«Как ни стыдно, – Вероника одергивает себя. – Нос ему могли сломать... Что я устала? Нехорошо».

Сердце ведет себя снова совершенно безответственно, подсакивая, как мяч на ступеньках. Среди этих пульсирующих толчков она пытается улыбаться и вести себя естественно. Но раскованность не самая сильная ее сторона, и Вероника просто стоит, ощущая свои собственные углы, как шестиугольник в окружности. Хорошо, что в центре этого действия не она, а Жан-Пьер. И не нужно конкурировать с Луизой, которая всю сцену встречи и знакомства берет на себя. Да, это она главная героиня пьесы, сомнений нет. Вероника не спорит. Ей нравится, что мужчина уважительно подает ей руку, а не бросается тут же целоваться по французской традиции. Он высвобождается из объятий матери, проходит дальше по коридору и спрашивает Веронику, хорошо ли ей живется в его комнате.

* * *

Наша жизнь – полотно, растянутое на остриях случайных встреч. Они порой спотыкаются узелками, царапают сердце, нанизываются бусинами на суровую нитку, а та иногда рвется. Бусины падают и разбегаются по полу, скатываются в щели. Их больше не увидеть и не достать. Друзья юности исчезают, даже не помахав рукой. Просто в один пре-

красный день ты замечаешь, что в твоей жизни их больше нет. Встречаясь случайно в метро, вы восторженно кидаетесь друг к другу, задаете вопросы про дела-детей-работу, про общих знакомых. Несмотря на обмен новыми – «теперь точно дозвонишься»! – телефонными номерами, никто никому не звонит.

Вероника размышляет, насколько случайной оказалась встреча с Луизой и теперь – с Жан-Пьером.

Она вспоминает пустую московскую квартиру. Вероника скользит по ней призраком: из кухни мимо – она тут, слева – комнаты матери и дальше, дальше, по коридору, через гостиную, где давно не сидели гости, и вот уже достигает своего удаленного пристанища. Здесь пахнет юностью, учебниками, телефонной трубкой на постоянно закручивающемся шнуре, ее любимым свитером, мокрым после прогулок под дождем. Сквозь деревья виднеется улица. Она слышит тяжелый шум троллейбусов, сигналы возмущенных водителей. Вдоль тротуаров грязные сугробы еще не сошедшего столичного снега. Кисловатый запах курицы в вине возвращает ее в действительность, и Вероника с новой силой суетится у плиты в шестом округе Лиона. Голоса Луизы и Жан-Пьера направляются в ту комнату, которая до ее приезда носила название «кабинет».

Жан-Пьер... Ей нравятся его спокойствие, серьезность и чуть насмешливый взгляд. И она больше не будет смотреть на его нос. Постарается не смотреть. Через голову востор-

женной и словоохотливой матери он ободряюще подмигивал Веронике. Или ей показалось...

Он выглядит уставшим и каким-то... каким-то смятым. Именно смятым, как что-то бумажное, стаканчик из-под мороженого, например. Но Вероника снова внутренне одергивает себя: как не стыдно, человек только вернулся из дальней поездки. Жан-Пьер одет в потертые свободные джинсы, из-под растянутого свитера выглядывает не первой свежести футболка...

Она злится на себя. Как будто в ней говорит мать едким и вытаскивающим на свет, выковыривающим всевозможные червоточки голосом. «Нет, мама, пусть во мне и твои гены, но я не буду смотреть на мир твоими глазами. Не всегда надо судить по первому впечатлению, да и вообще, оставь меня в покое! Он только приехал... Да и мужики – они такие, сама же говорила, никакого внимания одежде... В отличие от России, тут все росло среди изобилия и полных магазинов, даже наоборот вон говорят о культуре постпотребления... Как сократить траты и унять аппетит...»

Ужин начинается немного церемонно. Вероника рада, что ей приходится частенько наведываться на кухню. Там она жадно пьет холодную воду и всматривается в свое отражение в темнеющем окне. Потом, сродни набирающему скорость поезду, вечер несется быстро, как кино на перемотке: восторженные похвалы приготовленным ею курице и салату, спокойные, ни на чем серьезно не останавливающиеся раз-

говоры, внимательные взгляды Жан-Пьера. И вот уже Вероника лежит в кровати под постерами рок-групп и прислушивается к шорохам засыпающей квартиры. Она ругает себя за угловатость и неумение вести беседу. Сейчас, в одиночестве, приходят правильные ответы и ловкие, легкие фразы. Ее щеки горят, ладоням жарко. Немного приоткрыв окно, она залезает обратно под одеяло.

«Les parfums, les couleurs et les sons se répondent...» Как бы она перевела эти строки Бодлера? «Запахи, краски и звуки откликаются...»

Да, в ней все откликается с ожиданием перемен и того неясного будущего, которое заглядывает иной раз в окно, как луна, даря смутные тревоги и надежду.

Вероника всегда мечтала о том, чтобы у нее появился настоящий дом. Когда об этом говорила мать, она смеялась над ее словами. И ей сейчас немного стыдно. Отношения Луизы и Жан-Пьера, которого Веронике еще предстоит узнать, видятся почти идеальными. Это и есть та уважительная стабильность, которой у нее никогда не было. У Веры была, и она широко, безоглядно делилась ею с Вероникой. Нет-нет, она не хочет думать о Вере. И она не будет думать о Вере. Вероника готова нырнуть в новый мир. Перед погружением в сон ее душа снова заглядывает в окна оставленной за тысячу километров квартиры с темнотой по углам и выцветшими пятнами причитаний тетушки.

глава 19.

Дни насыщенного безделья

Жан-Пьер выходит из тени, ломая придуманные Вероникой рамки и объемно наполняясь жизнью. Он сбрасывает, как старую кожу, плоские образы из рассказов и фотографий, которые Луиза привозила с собой в Москву. Вероника чувствует, как токи этой маленькой семьи начинают течь и через нее. Луиза то громко всех собирает за столом, то наблюдает, улыбается и прислушивается. Поправив прическу перед зеркалом в тяжелой раме, она дирижирует камерным оркестром из немногочисленных обитателей буржуазной квартиры. И каждому мадам задает тон и ритм.

– Jean-Pierre, chéï, помнишь, ты подарил мне сделанный тобой в школе макет фермы? Я так долго его хранила! С такими смешными овечками из желудей! Да-да, свинками! Конечно! Не знаешь, где он? Покажи Веронике! А те фотографии, на которых ты маленький? Точно! Вот эти! Ой ты боже мой, какие щечки! Давайте их посмотрим все вместе!

– Véronique, ma chérie, дорогая, расскажи Жан-Пьеру про тот район в Москве, куда мы с тобой как-то ходили! Там, где находится знаменитая галерея русского искусства! В здании под разноцветной крышей! Ты представляешь, сынок, Вероника так много знает! Она рассказывает о событиях из истории России и про картины, об искусстве, как настоящий

экскурсовод! Как было бы хорошо нам всем вместе погулять по Москве!

Так проходят их дни. Вероника ощущает свою причастность к этому дому. С грустью отмечает, что у Луизы впереди лежит совсем небольшое будущее. И это естественно, что мадам не хочет в нем потеряться и делает все для того, чтобы остаться нужной, окружив свою старость правильными людьми. Вероника ценит ее внимательную нежность к себе, ее заботу. С приходом Жан-Пьера все складывается наконец в цельную картину. Она радуется, что случилась в ее жизни та семейная атмосфера, в которую хочется влиться, стать ее необходимой частицей. Она замечает, что перестала вздрагивать, ожидая окриков и насмешек. Вероника с удивлением осознает, что не разбила ни одной местной чашки, не уронила ни одной вилки... Ей нравятся эти дни, дни безделья, сердечного ожидания и постижения нового, где для нее, хочется верить, найдется местечко.

Жан-Пьер, в первые дни немного отстраненный, весь в своих мыслях, которыми он не стремится делиться так сразу, нараспашку, начинает ее приглашать то прогуляться, то вечером в ресторан. Луиза часто отправляется вместе с ними. Вероника с радостью принимает любое предложение, особенно ей нравятся семейные ужины.

Как-то раз днем он легким позывным «точка-тире-точка» стучит в ее дверь и зовет в парк, если, конечно, понимающе добавляет, она не занята. Вероника занята, но это не страш-

но, она все закончит потом. Вероника сохраняет написанный текст, выключает компьютер и натягивает джинсы. Собирается за пятнадцать минут и боится, что слишком долго заставляя себя ждать.

Любой выход вместе с Жан-Пьером в лионский, еще не до конца освоенный ею, мир отзывается в ней благодарностью. Вероника сдерживает переполняющий ее восторг и старается выглядеть спокойной, уверенной в себе. Неважно, что потом придется сидеть полночи, чтобы завершить перевод к положенному сроку. Ее охватывает давно забытое юношеское кипение жизни, когда хочется все-все успеть и не страшно ради этого пожертвовать сном.

В главном лионском парке Tête d'Or («Золотой головы») она уже бывала раньше, но делает вид, что пришла сюда впервые. Вероника позволяет Жан-Пьеру открывать его для нее, внимательно слушает легенду о найденном здесь кладе. Она ни разу его не перебивает и хвалит себя за сдержанность. Вероника с удовольствием следует за Жан-Пьером гравиевыми красноватыми дорожками, ловит каждое его слово. Она кормит гусей хлебом и уворачивается от них со смехом, когда уже не может выполнить их жадных требований. Олени на большой поляне, где лишь ров ограничивает их стадную жизнь, с интересом поглядывают на посетителей. Потом, помахивая маленькими хвостиками-кисточками, они возвращаются к первой зеленой травке. Вероника стоит у барьера вместе с восторженными детьми и не хочет

уходить.

Жан-Пьер показывает ей розарий, освещенный закатным солнцем. Цветы только начинают просыпаться после зимы.

– Представь, как здесь будет красиво через пару месяцев! Представь! – говорит он. Вероника послушно рисует себе разнообразные цветники, полные махровых роз и тонких дрожащих ирисов. Она умеет представлять будущее.

Они идут вперед по дальним заросшим дорожкам парка среди еще голых деревьев и пышных елей. Жан-Пьер теперь по большей части молчит. Он слушает Веронику, направляя течение беседы, как бумажный кораблик по весеннему ручью легким движением прутика.

На площадке между деревьями группа пенсионеров занимается то ли аэробикой, то ли йогой. «Как здорово! – думает Вероника. – И старость не страшит, если она вот такая...»

– А теперь поднимаем правую руку! – командует молодой тренер.

Бабушки в спортивных костюмах оглядываются в сомнении друг на друга и почти все поднимают левую.

– Другую правую! – с улыбкой просит юноша. Пенсионеры в восторге. Вероника им немного завидует. Ей очень нравится французское чувство юмора.

С каждым днем Вероника становится свободнее. Она освобождается от тяжести московских обязательств.

Брошенная ею квартира там, над железной дорогой, замирает в далекой тишине вечеров. Она иногда видит ее в зим-

ней дымке, нечеткую и нежилую. Вероника оглядывается, кидает в нее словами и новыми мечтами, прогоняет. Вот и сейчас она рассказывает о своей жизни в Москве, немного о матери. Она сама выбирает, о чем говорить. Особенно окрыляет внимание к ее работе. Жан-Пьер внимательно слушает, не перебивая, о рекламном агентстве, о том, как правильно выбрать ту изюминку, которая как раз и заденет покупателя непредсказуемостью. «Ты продаешь не вещь, – увлеченно рассказывает Вероника, – ты продаешь возможность, надежду, воздух счастья и краску преображения». Она в восторге от ловко ввернутых французских слов, полных красоты и образности.

– Это же обман! – Жан-Пьер останавливается. Его глаза становятся холодными. Нос двигается вправо. Даже если это и иллюзия, то неприятная. – Так, значит, поэтому к виски прилагается эффектный парень с мутным взглядом, этакий герой-любовник, а к духам – кинозвезда в почти обнаженном, непристойном виде? Как будто ты станешь ими, если выпьешь этот алкоголь и купишь этот парфюм? Безнравственность, одно слово. Все только и думают, что о выгоде и деньгах. Теперь понятно, что такое реклама... То, что ты сказала... Это даже хуже, чем я думал. А влияние на детей! Борьба за души начинается именно тут... Как же она надоела на телевидении! Хорошо, что последнее время ее хоть как-то взяли под контроль – теперь идет не каждые пять минут... То ли дело журналистика! Вот это настоящая работа!

Впрочем, тоже иной раз туда залезут, куда не надо, когда сами не знают, зачем... И судят о том, что не всегда понимают, все мажут или черной краской, или прямо белой-белой... Выбирают себе экспертов, которые отвечают их запросам...

– Наверное, – соглашается Вероника, отмечая, что впервые становится свидетелем его раздражения и столь длинной страстной тирады. Ей уже не хочется продолжать, не хочется спорить, но ее несет вперед. Она мечтает увидеть в Жан-Пьере союзника. А еще Веронику всегда задевало высокомерное отношение людей к ее работе. Она думала, что сейчас, в Лионе, все станет иначе. Ведь здесь реклама – привычное дело и заслуживает уважения. Она надеется на то, что сумеет объяснить, изменить его мнение, перетянуть на свою сторону.

– Реклама – это красивая обложка вполне реальных предметов. И гораздо честнее журналистики, кстати, – она старается улыбаться, чтобы беседа походила на светскую и немного, только между ними, доверительно-задорную. – И попробуй не напиши маленькими буквами внизу о товаре все, каждую деталь! Засудят! А знаешь, что такое джинса? Кстати, существует ли такое слово на французском?

Жан-Пьер не знает или делает вид, что не знает, ни про заказные статьи, ни про то, какое слово к этому относится. Он хмуро слушает про обслуживание разных интересов под видом фактов, особым образом проведенных опросов, про умалчивание невыгодных сторон при, казалось бы, вполне

правдивом изложении истории даже в документальном кино. Она увлекается, подбирая примеры. Его лицо еще больше мрачнеет. Между бровями напрягаются вертикальные морщины упрямства и недовольства. Вероника не сразу это замечает. Но когда замечает, то обрывает себя на полуслове, как отступает на шаг.

– Ты не согласен?

– Весь западный мир служит дьяволу и его капиталу, – вдруг изрекает он.

– И не говори! И дьявол кроется в деталях, которые сразу не увидишь!

Вероника весело смеется и протягивает руку, чтобы смахнуть маленький, еще прошлогодний, наверное, листик, упавший на свитер собеседника. Потом поднимает глаза. Она видит напряженное лицо, гуляющие желваки и упрямо сжатый в линию рот Жан-Пьера. Веронике становится холодно. Шуткой здесь и не пахнет.

Он вдруг резко встает с лавочки, на которой они сидят. Она смотрит ему вслед в некотором оцепенении. Вероника не очень понимает, что происходит. Она с остатком улыбки на губах ждет, что он повернется и протянет ей руку. Ведь, наверное, уже и правда пора идти к выходу. Жан-Пьер удаляется по погружающейся в темноту аллее. Вероника поднимается и медленно идет за ним. Она удивлена и зла на себя. Еще ей обидно, и она пытается с этим справиться.

Жан-Пьер резко останавливается. Оборачивается к ней,

как будто просыпается. Он смущенно улыбается, сцепляет руки замком у груди, смотрит на нее с видом провинившегося школьника. Глаза остаются холодными. Вероника ищет в них теплоту.

– Извини, дорогая Вероника. Понимаешь, я так много думаю о том, что делают с нами деньги, потребительство, жадность, вот и твоя реклама тоже... Последнее время мир мне видится расколотым на разные части, которые я мечтаю соединить. Я познакомился с такими людьми, такими, знаешь, глубокими, цельными, которые открыли мне глаза на настоящую жизнь. Фонд, ассоциация, в которой работаем мы с мамой, делает много, но все равно недостаточно. Нужно делать гораздо больше для нуждающихся людей... Для всех! Западному миру требуются более радикальные перемены. Беззаконие, разрушение связей между людьми, безыдейность, неверие... Это нужно изменить. Я расскажу тебе, и ты поймешь. Но не сейчас...

Он сбивается или просто решает, что хватит, не стоит вот так сразу все выкладывать глядящей на него в немом удивлении женщине. Вероника понимает, что тронула нечто дорогое ему, спрятанное, сотни раз передуманное. Его слова отзываются в ней то ли болью, то ли тревогой. Она забывает об обиде и чувствует сильный прилив нежности к этому немного мешковатому мужчине, который, оказывается, так много думает о мире, страдающем от несправедливости.

«Надо же, – Веронике становится неудобно, – вот ведь

как может реклама тронуть человека! Я, наверное, циник, я черствая, не вижу за удачным креативом и потом, конечно, за гонораром созданного мною обмана... У нас такое разное прошлое. Его мир гораздо шире, объемнее, богаче. Наверное, надо жить иначе... Ведь я горжусь своими победами, когда они на поверку – как раз и есть та самая дьявольская суета с погоней за добычей. А он, он... Он удивительно глубокий и тонко чувствующий человек. Мне так повезло».

Они идут по аллее. Жан-Пьер, потоптавшись, приобнимает ее за плечи.

– Ты моя маленькая, такая хрупкая, такая красивая, – шепчет ей на ухо. Вероника вспыхивает внутри, как на первом свидании в школе. Ей кажется, что они идут так уже давно, что знакомы тысячу лет. И впереди будет много всего, что сблизит их. Она обязательно узнает его лучше и постарается не попадать впросак со своей рекламой или – она улыбается, вспоминая, – фараонами. Она хочет сделать свою жизнь проще. И уже холодеющий вечер дышит в унисон с ней и с невидимыми, еще не распустившимися розами в лионском парке Tête d'Or.

глава 20.

Мужчины Луизы

Каким удивительным образом все закрутилось! Вероника просыпается с ощущением счастья. Она размышляет о том, что, не согласись она на предложение Ирины поселить у себя в осиротевшей квартире незнакомую мадам, так и осталась бы сидеть среди осколков прошлого. Мы так одиноки в этом мире, отчего же не дать себе шанс?

Вероника почти не вспоминает свое неудачное замужество. Оно стерлось, оставив еле видный, тонкий флер разочарования, такой же неяркий, туманный, как и выторгованное поначалу чувство свободы. Мать его потом, конечно, раздавила, раскатала... Что было, то было. И главное – боль от потери подруги Веры и других друзей московской юности сейчас уже не так покалывает сердце, как раньше. Воспоминания укладываются в альбом слоями, старыми фотографиями, на которых случайно замечаешь полустертые надписи и даты. Вероника старается листать все это в памяти пореже, а то и вообще берет и убирает мысленно на антресоли. Возвращаться к оставленному в Москве не хочется.

Возможно, благодаря стараниям Луизы и объединяющему пространству, они с Жан-Пьером двигаются друг к другу. Шаг вперед – остановка – еще шаг. Шахматная партия. Новые вкусы на кончике языка. Тепло большой квартиры в ше-

стом округе Лиона накидывает на ее плечи уют.

Вероника просыпается и прислушивается к звукам. Дом плывет кораблем по лионским бульварам. Он захватывает в свои сети всех, кто поднимается по гулкой лестнице и остается здесь, в его приглушенном пуфами бархатном мире, дольше, чем на вежливый кофе. Потом Вероника в утреннем узнавании начинает различать голоса. Вот знакомый, Луизин, – свежий, приправленный радостью, а потом – и Жан-Пьера, ей пока непривычный, гудящий на низких нотах, взвешенный, иногда с хозяйской своевольностью. Они, наверное, уже ждут ее к завтраку. Вероника вскакивает и бежит в ванную, стараясь не попасться им пока на глаза. И уже приодетая входит на кухню, испытывая неловкость за долгий сон.

Вероника видит огромную любовь матери к сыну, которую она отмечает с неожиданным уколом ревности. Глупость какая! Любви хватит на всех! Ей хочется стать здесь своей, влиться в сосуд квартиры небольшой, но нужной, освежающей струей.

Они строят планы на день. Луиза смотрит на нее весело, с безоговорочным одобрением, и это захватывает. Ради такого взгляда можно совершать подвиги. Вероника вдыхает аромат позднего утра, кофе, недостаточно крепкого, но терпимого, сдобный запах круассанов... Это запах Франции. Той Франции, какую она впитывала из восторгов матери и ее подруг, учила на уроках вместе с глаголами, которой восхища-

лась, смотря по много раз старые фильмы и листая случайно попавшие в руки модные журналы с неземными красотками на фоне Эйфелевой башни.

Еще ее переполняет чувство благодарности к тем, кто в порыве гостеприимства готов бежать утром в булочную, чтобы принести яблочные слойки и хрустящий багет к завтраку. Она дает себе слово ответно сотворить что-нибудь этакое на ужин. Доброта струится вокруг мягким солнечным светом. И наступивший день снова обещает счастье.

Веронике интересно все. И она раскладывает информацию, как хороший секретарь, по ящичкам своей памяти, составляет невидимую картотеку, уточняет детали. Все равно ей кажется, что она знает очень мало о семье, к которой ее прибила насмешливая и непредсказуемая судьба. Вот, например, бывший муж Луизы, отец Жан-Пьера. Почему о нем говорят здесь до неприличия мало и неохотно? Где он вообще? Жив ли? Будет ли рад ей так, как рада мадам?

Еще в Москве Луиза вскользь прошла, как тронула легким пальчиком кружево, по семейным историям. И если про своего рарà говорила пусть немного, но с любовью и охотно, то о муже обмолвилась лишь раз.

– Ma chérie, – она посмотрела при этом куда-то вдаль, поверх деревьев в московском пустынном дворе, как через время и расстояние, – он был интересным человеком, но слишком юным, чтобы отвечать за меня и сына. Юным, знаешь, в душе. Такие мужчины до конца дней остаются мальчишка-

ми, в постоянном противостоянии с родителями, с миром взрослых. И даже не замечают, что сами стали взрослыми, сами стали родителями, – ведь ни отвечать, ни нести ответственность за других так и не научились. Мой отец, – она вздохнула, – не принял его. А Лоран и не старался понравиться. Он требовал, чтобы я порвала со «стариками», как он порвал со своей семьей.

Мы жили отдельно – в маленькой квартирке, которая... которую отец купил, как сейчас модно говорить, в качестве инвестиций. Сдавал, а потом отдал нам. Бесплатно. Жить с Лораном было сложно. Его просто никогда не было дома. Я ждала, потом ревновала, потом злилась, потом снова ждала и была готова на все, лишь бы он пришел. А он постоянно указывал мне, что я – та самая буржуазная сволочь, с которой они, студенты шестьдесят восьмого, борются. Я поначалу пыталась доказывать ему, что я с ним, с ними, что я одна из них, что я тоже не хочу жить в мире подавления личности. Я говорила, что я, как и он, тоже считаю все кругом устаревшим и отжившим: дидактизм лекций, унижение экзаменов, диктат родителей, кондовые принципы старого мира одним словом.

Мы тогда предлагали все перемешать, сделать обучение таким, знаешь, сейчас это популярно, – интерактивным, вот. Сегодня все носятся с какими-то проектами, работой группой, в команде, а тогда еще все шло по старинке, с суровой дисциплиной. Да и честно говоря, если кто-то скажет, что

в любое время можно без зубрежки и конспектов получить хорошее образование, а потом еще и устроиться на приличную работу, мне делается весело. Я не верю в чудеса. И еще становится обидно – я была тогда такая глупая! – за дымом протестов и желанием все разрушать не видела реальности. Головастики не могут учиться друг у друга. Только потеряют время, как я, и самих себя. А время дорогого стоит. Ведь это только кажется, что в юности его бесконечно много...

Мы вместе ходили в университет – тогда, на волне шестидесят восьмого года, с постоянными манифестациями, протестами, акциями неповиновения: «Разберем по кирпичикам ненавистный мир наших отцов»! Хотели взорвать надоевшую систему, разорвать парадигму повиновения старшему поколению. Это Лоран так говорил! Меня даже сейчас еще восхищает его удивительное чутье к словам, к тому, как из них сделать манифест. Ты, наверное, поймешь это даже лучше меня – с твоей работой в рекламном деле... Так вот Лоран скоро стал активным членом профсоюза. Он был старше меня, впитал, можно сказать, все эти идеи прямо из самого сердца протестов. Прибегал, хватал меня и кричал: «Кончай тут сидеть, все равно эти старые пердуны-ретрограды никого ничему не научат! Мы все сделаем по-новому! Надо уметь смотреть в будущее»!

Конечно, его отчислили – он же не учился. Он еще пошумел по привычке, но его приятели, в отличие от него, покорно вернулись в аудитории. Лоран вынырнул из шестиде-

сят восьмого и столкнулся с неприятной реальностью, в которой надо было зарабатывать деньги, и с холодным, требовательным взглядом моего отца. Я ведь тоже не доучилась... А потом уже и Жан-Пьер родился, стало не до того. А Лоран со временем сделал протесты своей профессией: один профсоюз, другой... Ни секунды не работал, зато активность взрывалась фонтаном нефтяной скважины – ожиданий много, но рядом лучше не стоять. Лоран защищал трудящихся... Если он и приходил домой, то обязательно с толпой друзей... А я в спальне с Жан-Пьером... Они шумят, кричат: «Не допустим! Мы им покажем!» Малыш плачет. Электричество второй или третий месяц не оплачено, того и гляди останемся без света. Тогда с этим было строго... Стыдно. Ну я и вернулась к родителям.

Отец был в ярости. Он, человек, который любил Советский Союз, цитировал по памяти Ленина, верил в идеи социальной справедливости, называл Лорана анархистом и вредителем.

– Вы не понимаете, – говорил он, когда мы беседовали еще почти спокойно, все вместе, – чем больше вы стараетесь разрушить устоявшийся порядок, тем больше власть-предержащие начинают защищаться. Нет, они все реже выйдут громить ваши баррикады, не будут даже спорить с вами – бессмысленно, да и возраст со статусом не позволяют. Им есть что терять в отличие от вас. Бросив вам кость в виде ваших же излюбленных демагогических лозунгов типа «ра-

венства и братства» или женщинам право на длительный отпуск по уходу за детьми, они сделают так, чтобы их капиталы не только не пострадали, но и были надежно защищены от таких, как вы.

Одной рукой они будут вам подбрасывать подачки, потакать профсоюзам, заключать с вами сделки, а другой – увести свои капиталы из-под угрозы, объединяться, создавать интернациональные корпорации, страховать риски, инвестировать в вечно прибыльное, землю к примеру, а то и в саму политику. Чтобы уже наверняка застолбить себе и своим потомкам место под солнцем, что бы ни случилось. И это все ударит по самим трудящимся. Не сейчас. Потом. Сейчас вон – промышленный бум, рабочих рук не хватает, людей завозят даже из бывших колоний. А вот лет через тридцать – я не доживу – вы увидите, как проснетесь в другой стране, где защищать будет уже некого. И ничего своего у вас не останется. Будет невыгодно платить французам столько, сколько требуют профсоюзы. Да и что это за защитнички? Они получают от предприятий разные выгоды, живут под их крышей – разве они могут грызть дающую руку? Так, игриво прикусить, чтобы пользу свою отработать и себе что-то поиметь».

Умный человек был мой отец. К тому времени он типографию, которой владел, уже продал. И был зол на профсоюзы – они, как он говорил, пустили метастазы везде, совра-тили нереальными проектами и его работников. А он-то еще

до войны начинал в этой типографии учеником, после войны – мастером, а потом и выкупил ее, стал полноправным владельцем.

Вероника тогда спросила:

– Как так получается: отец одновременно был и бизнесменом, и грезил социалистическим братством? Разве так бывает?

– Да какое там! – махнула рукой Луиза. – Какой он бизнесмен? Хозяин небольшой типографии. Сегодня уже такой маленький бизнес, как у него, давно съеден большими акулами. Вот кто капиталист! А он заботился о своих работниках, помнил, как по молодости сам ничего не умел, учился... Но выгода ведь тоже должна быть! Кто будет оплачивать счета? А краску покупать? А машины чинить? Горлопаны? От того, что он продал типографию, ведь никому лучше не стало! В результате все, включая тех, кто кричал громче всех, остались ни с чем.

Мсье, который ее купил, были нужны просто стены и выгодное место – для автосервиса. Кто бы отказался от автосервиса в центре города? И всё, пожалуйста все на выход. Доборолись. Отец им так и сказал на прощанье: «Пусть ваши профсоюзы теперь вас кормят». И впал в самую настоящую депрессию. У него и без того было плохое здоровье после войны, он часто запирался у себя в кабинете, не разговаривал ни с кем по несколько дней... Мы ни гостей не принимали, ни сами почти никуда не ходили. Тяжелый он был че-

ловек... И сердце, надорванное тем, что ему пришлось пережить, начало подводить. А тут еще пошло прахом дело всей его жизни! Больше он уже ничего не начинал, никакого бизнеса. Со своими бывшими сотрудниками старался не встречаться. Вложил деньги в недвижимость... Небольшую.

Вероника больше не спрашивает о двух мужчинах в жизни Луизы, ушедших в прошлое мужчинах. Она была сильно привязана к отцу. А вот про бывшего мужа говорит одновременно с презрением, терпением и обидой, подернутой пленкой времени, которая многое сглаживает. Иногда в словах мадам слышится и ностальгическая нотка – то ли по давней любви, то ли по молодости на баррикадах. Это сегодня она такая величественная, справедливая... Веронике с ней спокойно и надежно. Все прежние страсти улеглись. Совсем другое дело, когда заходит разговор о Жан-Пьере. Лицо Луизы озаряется. Она рассказывает о том, какой он удивительный мальчик, а потом рисует волшебные картины с обещанием общего будущего. Вероника слушает, и разговор в парке, оставивший в памяти случайную горечь, ей кажется неправильно понятым.

глава 21.

Мост над Роной

Через какое-то время медленный поезд отношений, в котором каждый пассажир старается выглядеть независимым, докатился, посвистывая и поскрипывая, до вечерних прогулок вдоль набережных. Вдвоем. Если они ужинают в ближайшей brasserie, Луиза старается сразу, выйдя на улицу, отправиться домой. Она нежно целует Веронику и Жан-Пьера и уходит. Что-то печальное видится в ее вечерней походке, не столь решительной и энергичной, которая восхищала когда-то в Москве.

Вероника оглядывается пару раз на мадам, но потом идет за Жан-Пьером. Догоняет его и подстраивается к уверенному шагу того, с кем ей хочется идти далеко, бесконечно долго. Она старается заглянуть в глаза Жан-Пьера, оставивших дню свою голубизну. Ее ожидание огромно. Оно пульсирует и радостно ухает куда-то, с высоты набережной. Правда, тут же становится немного страшно. Куда ведет нынешняя гостевая колея? Ощущение предопределенности холодит затылок. «Просто ветер», – думает она на мосту через Рону. Вероника поднимает воротник.

Как-то таким вечером над рекой, между огнями разрезанных ею кусков города Жан-Пьер притягивает Веронику к себе и целует. Она думает: «Наконец-то». И прикрывает глаза.

Еще в ранней юности подруги ей сказали, что надо закрывать глаза, иначе не считается. С тех пор она обязательно следует этому неременному условию правильного поцелуя. Иногда она подглядывает, конечно. Так и сейчас. Сквозь ресницы она отмечает, похоже, по-настоящему закрытые глаза Жан-Пьера, темно-русые волосы, а в них перхоть.

Его губы сильные, настойчивые. Вероника различает в них особый, французский вкус. И тут же вспоминает не очень чистый диван на одной из улиц Ямского поля и еле сдерживается, чтобы не рассмеяться. Зато это снимает напряжение и внутренний озноб. И она снова, уже с удовлетворением, погружается в темноту, спрятавшись от мира. Вероника ищет внутри себя ожидаемые, почти обещанные чувства.

Сердце постукивает от важности момента. Вечер ясный и свежий. В нем так много весны, глубокой, победной. А еще Вероника улавливает что-то трогательное, долгожданное, ностальгически азнавурное. И от этого ни за что не хочется отказываться. И остальное становится неважным. Целоваться ей точно не противно. Сильная решимость Жан-Пьера ей нравится. Ведь он не просто Жан-Пьер. В нем соединились и ставшая родной Луиза, и буржуазная квартира в центре Лиона, и сам Лион, и древние камни старого города, и бесснежная зима в отличие от московских сугробов, и устрицы на прилавках, переложенные льдом, и запотевший бокал настоящего «Шампанского», и вежливые соседи со своим по-

стоянным bonjour, и Франция...

Иногда, чаще всего по ночам, она мысленно спорит с матерью, с обидными словами, сказанными в ее полусне, как совсем недавно в Москве, сварливым голосом:

– Ну и что? Приперлась к чужим людям? Даже билет уже успела поменять? И чего ожидаешь? Собираешься стать своей в этой пыльной квартире? Сближение идет по плану? По Луизиному плану? На что надеешься? Думаешь что-то здесь построить? Замок на ронском песке ты построишь!

«Мама! – Вероника не хочет быть грубой даже в мыслях. – Ты же их не знаешь! Они прекрасные люди! Они столько делают хорошего для других! А я всегда для тебя была неумехой, не такой, как дочери твоих знакомых. Мной почему-то нельзя было гордиться... Хочешь ты или нет, но я сама теперь решаю, как жить! И они мне не чужие люди! Уже не чужие».

«Ага, – отвечает фантомный зудящий шепот, – нашла себе родных! А этот, Жан, как его, Пьер? Почему он молчит все время? А если говорит, то о великих идеях, о гуманизме, о помощи несчастным! В такой квартире, наверное, ох как приятненько помогать ближним и не ближним... А там, в парке, он что про дьявола-то нес? Ты уже не помнишь... Не стоит тебе помнить. Ладно, хоть решился наконец поцеловать тебя, и на том спасибо! Тебе вообще что нужно-то? Что ты чувствуешь-то к нему? Или, как всегда, копаешь потайные ходы в своей мрачной душе?»

Разговоры бессмысленные и выматывающие. Они напоминают московскую реальность, которая отступила за горизонт и за кладбищенскую плиту на могиле матери. Вероника думает, что надо позвонить тетке. Полина согласилась проверить и отчитаться любимой племяннице о том, как напишут золотыми буквами на памятнике имя матери и даты жизни. Тетушка обожает ездить на кладбище и помнит всех родственников, причем о каждом говорит с придыханием, точно как об обретенных ею не так давно святых.

Вот ведь даже во сне Вероника спотыкается о прошлое! Но она не хочет ни размышлять, ни сомневаться, не слушать доносившееся издалека дребезжащее материнское неудовольствие. Как пощелкивание электричества, вспыхивают перед ней в ночи забытые обиды и исчезают, оставляя еле определяемый запах серы и противно ноющее сердце.

Жан-Пьер, который уже какое-то время спит рядом, поворачивается к ней и обхватывает одной рукой. Все получилось само собой. Значит, все прекрасно. Вероника утыкается ему лицом в плечо и обнимает. Жан-Пьер становится понемногу родным. Она ждет вечеров. Ей нравится быть с ним, нравится близость, нравится его сила, уверенность. Да, решительность и жесткость тоже нравятся.

Ласки бывшего мужа остались в памяти пресным вкусом чего-то недосоленного или переваренного. Как будто он стеснялся яркости, жара страсти, а главное – боялся ей сделать больно. Иногда слишком много думал о ней, о том, что-

бы она осталась довольна. И Вероника была, но, как она сейчас понимает, без искры, без уверенной в своих правах силы, которая должна хоть иногда безоглядно разрушать и властвовать. А еще она боится признаться самой себе, в моменты самой высокой ноты у кровати тогда стояла тень Веры и, молча, ничего не говоря, смотрела на нее.

Сейчас же она вся дрожит от возбуждения, когда попадет в сильные руки Жан-Пьера. Он давно уже перестал быть бледной копией своей матери. Как это ей такое вообще пришло в голову? Ночью он прищипливает Веронику к постели, прихватывая ее руки так, что она не может пошевелиться, и закрепляет это распятие долгим, бесконечным поцелуем. Она старается побыстрее расслабиться, чтобы слиться с ним воедино, чтобы встречать его мужское начало настоящей женщиной, влажной, податливой и нежной.

Ей не приходится говорить о чувствах. Вероника никогда этого не любила. Она благодарна за то, что он не требует ни нежных слов, ни признаний в любви, которую еще только предстоит призвать, как дождь бубном шамана. Главное – не испугнуть. А поэтому не стоит подмечать всякую перхоть или брошенные носки. И да, надо бы поменьше той, московской или материнской, ядовитой усмешки. Поменьше правды, которая не только колет, а мышеловкой выжидает у каждой щели. Добрее надо быть. И тогда все начнется с чистого листа.

На память вдруг приходит тот злосчастный вечер в доме

с новолепными потолками, а потом и утро с глупой надеждой среди грязных пепельниц. И тут же, как наяву, видит экран телефона с десятком по меньшей мере звонков от тетушки. Это было давно и далеко. С тех пор прошел почти год. Все изменилось. Вероника твердо решает тоже измениться. Она кутается в теплое одеяло и сворачивается под руками Жан-Пьера, которые ее защищают по ночам от воспоминаний, в счастливый сонный эмбрион.

глава 22.

Барахолка

Вероника идет рядом с Жан-Пьером, прилаживая свой московский печатающий ритм к его неспешному, размеренному шагу. Здесь никто не ходит так, как она, не бегаёт по эскалаторам, не несётся по улицам в опаздывающей панике, не замечая прохожих. От чистого сердца и отчасти чтобы сделать приятное спутнику, она в который раз восхищается Лионом, его красивыми кариатидными зданиями и глубиной истории. Жан-Пьер дергает плечом, будто сгоняет надоевшую муху. С тех пор как они сидели на скамейке в парке Tête d'Or, он не позволяет себе ни резкости, ни громких споров. Пару раз Вероника подмечает его вдруг помрачневший взгляд, когда Луиза рассказывает о своих знакомых и их удивительных детках, которые поступают в престижные университеты, Grandes Ecoles. Может быть, именно поэтому в квартиру с длинным коридором почти не приглашают гостей, размышляет Вероника. Луиза обещает познакомить ее с лионским «бомондом», но пока и мадам, и сама Вероника довольствуются Жан-Пьером как новым действующим лицом на авансцене.

Вероника по большей части слушает, сопоставляет и дополняет картины нарисованной в ее московских мечтах Франции. И картина настоящей Франции понемногу прояв-

ляется, как на старых детских переводных картинках, выпуклой реальностью. Она пытается разобраться, найти главное, нащупать стержень. Но через какое-то время понимает, что весь этот калейдоскоп, не совпадающий с ее прошлыми представлениями, и есть настоящий мир. Страна, которая оставила далеко в прошлом песни Джо Дассена и фильмы с Фернанделем, дышит и живет сегодня совершенно по-другому. Но ведь и в России так же! Она представила на минуту Луизу, которая в Москве начала XXI века ищет первомайские демонстрации тридцатых годов или темноту перестроечных улиц с пустыми магазинными полками.

Местная реальность же такова, что буржуазная семья, в которой ей посчастливилось оказаться, переживает совершенно не по-буржуазному из-за несправедливости и неравенства. Правда, слово «буржуазность» у Жан-Пьера вызывает брезгливое возмущение. Луиза же, часто вспоминая переломный шестьдесят восьмой год, то снова рвется на баррикады, то подчеркивает нажитые поколениями традиции. Ее переговоры с коллегами тоже разнятся. Настроение мадам меняется, как нынешняя весенняя погода: вот нынче она отеческим тоном дает наставления, потом голосом капризной барыни указывает на какие-то мелкие недочеты, а в конце расплывается в демократичной улыбке и заканчивает беседу, уже не желая спорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.